

МИРЫ Г. Л. ОЛДИ

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

НОПЭРАПОН

МИСТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФЭНТЕЗИ

ЭКСМО

Генри Олди

**Нопэрапон, или По
образу и подобию**

«Автор»

1998

Олди Г. Л.

Нопэрапон, или По образу и подобию / Г. Л. Олди — «Автор», 1998

Япония XV-го века и Харьков века XX-го. Легендарные актеры театра. Но и наши с вами современники, искусство древних лицедеев и современные школы каратэ, кривые улочки Киото и неоновое разноцветье проспектов, встреча с безликим существом на ночном кладбище и рекламка с удивительным лозунгом: «Ваша задача – выжить!» Казалось бы: что общего? Что?! – кроме человека, обычного человека вне времени и пространства, оставшегося один на один с самим собой, чтобы победить или погибнуть. Когда юный актер Мотоеси, сын великого «Будды лицедеев», убил деревянным мечом воровку-нопэрапон, а Владимир Монахов, интеллигент-остеохондротик, убил на коммерческом турнире бойца-американца, когда один человек стал зеркалом, а другой – оружием; когда Смерть шла по дороге к храму Чистых Вод, и молоденькая аспирантка отправляла в реанимацию, одного за другим, шестерых насильников... Времена сходятся, смыкаются гранями, и нет уже отличия – кто жил вчера, кто живет сегодня, если в каждом из нас сидит червь, желающий получить все даром и сразу. Но получая, мы перестаем быть людьми.

© Олди Г. Л., 1998

© Автор, 1998

Содержание

I. По образу и подобию	5
Свеча первая	6
II. Нопэрапон. Свеча первая	7
1	7
2	10
3	14
4	16
5	18
6	20
7	21
III. По образу и подобию. Олег	22
Дмитрий	25
Врач	28
Дмитрий	30
Врач	32
Дмитрий	35
IV. Нопэрапон. Свеча вторая	37
1	37
2	42
3	45
4	48
5	50
6	51
V. По образу и подобию. Олег	52
Дмитрий	56
Олег	58
Дмитрий	61
Олег	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Генри Лайон Олди

Нопэрапон или По образу и подобию

*Все совпадения (несовпадения) встречающихся в этой книге имен и фамилий, а также событий, времен и географических названий с реально существующими являются умышленными (случайными)!
(Нужное подчеркнуть)*

I. По образу и подобию

Двое сидят у стола.

Молчат.

Напротив, на включенном мониторе, окном в ночи светится незаконченный абзац; впрочем, он, этот абзац, вдобавок еще и неначатый.

«...и некий Ролан, но не тот Роланд, что упрямо шел к Темной Башне, а иной, сумасбродный француз, профессор истории и географии, вдобавок удостоившийся в 1982 году седьмого дана карате, – так вот, этот самый Ролан, хорошо помнящий лицо своего отца, однажды сказал:

– Легкий метод не удовлетворяет того, кто сохраняет чувство реальности; это было бы слишком удобно.

Впрочем...»

Двое сидят у стола.

Молчат.

На краешке стола ночной бабочкой, уставшей от жизни, трепыхается под сквозняком клетчатый листок бумаги.

Сплошь исписанный беглым, летящим, чужим почерком.

Красным карандашом внизу обведен отрывок; отрывок без начала и конца.

«...похожие приемы (нутром чую, хотя доказать не могу!) демонстрировал еще один широко известный дуэт писателей-фантастов. Писали нормальную книгу, потом отрывали начало и конец, все оставшееся перетасовывали, кое-что теряя при этом, а остаток шивали в случайном порядке. Часто получалось здорово. То же, что не входило в книгу, потом использовалось в другой. Возникало „зацепление“, и из нескольких книг возникал удивительно объемный мир.

В данном случае с читателем поступили гуманнее. Хотя я знаю людей, которые не одолели и...»

Двое сидят у стола.

Молчат.

Перед ними – несколько страниц, распечатанных на струйном принтере.

Черные буквы на белой бумаге.

Слова, слова, слова...

Свеча первая

*«Скорбный, пронзительный вскрик флейты из бамбука.
Словно птица, раненная стрелой влет, тенью мелькнула над гладью
залива... ниже, еще ниже...
Упала...»*

Двое сидят у стола.

Молчат.

Начало и конец, которые только и ждут, чтобы их оторвали и перетасовали, сидят рядом.

Молчат.

Но это ненадолго.

II. Нопэрапон. Свеча первая

*Итак, обыкновенно к нашему искусству приступают в семь лет, если считать со дня зачатия, и в шесть полных лет со дня рождения на свет. При занятиях театром в эту пору в самих по себе возникающих действиях ребенка непременно заложен некий совершенный стиль...
Дзэами Дабуцу. «Предание о цветке стиля»*

1

Скорбный, пронзительный вскрик флейты из бамбука.
Словно птица, раненная стрелой влет, тенью мелькнула над гладью залива... ниже, еще ниже...

Упала.

Рокот барабанчиков под умелыми пальцами.

Высокий резонирующий стук туго сплелся с сухими щелчками, и все это на фоне сдавленных, как стон умирающего воина, глухих раскатов... тише, еще тише...

Тишина.

Любуясь на вишни в цвету,
По горам кружу я...

Нога в белоснежном носке – высоко, до колена – двинулась по кипарисовым доскам пола. С пятки на носок, легко проскальзывая, прежде чем утвердиться на светлых, без единого пятнышка или пылинки, досках.

Так ходят монахи, безумцы и актеры.

Рука с веером, чьи пластины были изукрашены по алому фону огромными пионами цвета первого снега, совершила безукоризненный жест «Ночью в одиночестве люблюсь луной» – край веера мимолетно коснулся левого плеча и застыл, ожидая неторопливого поворота головы.

Костры вокруг помоста, за рядами безмолвствующих зрителей, дрогнули, бросили щедро отсветы на недвижную фигуру.

Любуясь осенней луной,
По горам кружу я...

Снова флейта – на этот раз протяжно, тоскливо, вздрагивая всем телом нервной мелодии. Барабаны молчали.

Тени бродили по белому лицу, по женской маске, вдруг ожившей в ночи, полной теней, звуков и напряженного внимания.

Голова запрокинулась, всплеснув прядями длинного, до пят, парика. Обилие света пламенем охватило маску, изменчивость наложила на неизменность, и неживой лик на миг оживился ликованием.

Тени – волнующие, завораживающие.

Тени...

Смятение чувств.

Нога в белоснежном носке поднялась, притопнула. Одинокий звук, неожиданно гулкий из-за укрепленного под досками кувшина, не спеша побежал прочь, в темноту... дальше, еще дальше...

Исчез.

Как не бывало.

Любуясь на белый снег,
По горам кружу я...

Гортанный, растягивающий гласные голос давно уже был не столь силен, как в далекой молодости, когда с легкостью перекрывал шум взыскательной киотской публики, – но ведь и шум давно ушел в прошлое, став воспоминанием.

Пылью под ветром.

Зря, что ли, сказано в «Предании о цветке стилия»:

– После пятидесяти лет едва ли есть иной способ игры, кроме способа надеяния. Недаром говорят: «В старости единорог хуже осла!» И все же: коли являешь собой поистине мудрого мастера, цветок сохраняется в тебе, пусть даже ты теряешь многие и многие пьесы. Так, случается, не опадают цветы и с одряхлевшего дерева, почти лишенного веток и листьев...

Сейчас на представлениях Дзэами Дабуцу, Будды Лицедеев, шесть лет назад постригшегося в монахи, но не оставившего сцену, – сейчас на редких спектаклях, где великий мастер, автор «Предания о цветке...», являл публике свое искусство, молчали.

Затаив дыхание.

С замиранием сердца.

Вслушиваясь в тихий плач хора:

Круг за кругом – и снова круг,
О, вращение без конца!
Слепая привязанность к земле,
Туча, темнящая лунный свет.
Пыль вожелений свилась клубком —
Так горная ведьма родилась.
Глядите, глядите на демонский лик!..

Ветер не выдержал, прошелестел в соснах на холме – там, далеко, за спинами зрителей, с трех сторон окруживших помост. И в ответ рябью пошла крона могучей, узловатой сосны на заднике, ожидая поддержки от изображения двух стволов бамбука, молодых и стройных, на правой стене близ «дверцы-невидимки».

Оттуда, из этой дверцы, появлялся служка в черном, когда требовалось незаметно поправить актеру парик или подать оброненный веер; но сейчас в службе не было надобности.

Спектакль «ха», зрелище «пяти вершин», близился к завершению.

Торжественное спокойствие «пьесы богов», трагедия «пьесы о судьбе воина», смиренность и созерцание «пьесы в парике», повести о горестях и превратностях любовной страсти; одержимость «пьесы о безумцах» – и, наконец, финал.

«Горная ведьма», феерия «пьесы о демонах».

Испытание мастерства.

Вечный, пряный искус.

Гора и снова гора,
Так круг за кругом...

В свой нескончаемый путь
Уходит ведьма.
Была здесь только сейчас
И вдруг – исчезла...

Долго затихал во мраке плач бамбуковой флейты-фуэ ... долго, ах, долго!.. тише, еще тише...

Все.

Занавес сомкнулся, укрыв от взглядов одинокую фигуру.

2

– Эй, нальют мне, в конце концов, пива?! Живо!

Мотоеси, младший сын Будды Лицедеев, в растерянности поглядел на отца. Тот минутой раньше снял с себя маску и сейчас пристально вглядывался в деревянный лик, прежде чем спрятать маску в футляр. Больше никого в актерской уборной не было; если, конечно, не считать монаха лет тридцати с лишним, нагло вломившегося сюда из крытой галереи.

В руках монах держал огромный меч в красных ножнах, длиной едва ли не на локоть больше самого бритоголового смутьяна.

– Пива Безумному Облаку! Просяного пива, с шапкой пены!

– Дай святому иноку пива, – не отводя взгляда от маски, бросил великий Дзэами.

На коленях заскользив к кувшину, что стоял в углу уборной, Мотоеси поспешил наполнить кружку. Юноша уже имел честь сталкиваться с Безумным Облаком – по слухам, внебрачным сыном самого императора Го-Комацу, который год назад, уступив трон своему малолетнему племяннику, призвал Безумное Облако во дворец и с удовольствием отдался беседам о сути дзэн.

Кружку монах выхлебал в один присест.

– Уф-ф-ф! – Довольно отдуваясь, он швырнул кружку обратно юноше, нимало не заботясь, поймает ее Мотоеси или нет. – Дрянное пивко! Но в полнолуние сойдет... Тесно мне, тесно! Слышишь, обезьяний пастырь?! Безумному Облаку тесно!

И в подтверждение своих слов он наугад ткнул рукоятью меча вперед, никого, впрочем, не задев и ничего не повредив.

Юный Мотоеси знал: меч – не меч. Просто бутафорская палка, годная лишь на то, чтобы разом переломиться после первого же сносного удара. Если бы еще Безумное Облако не возглашал на базарах и площадях десяти провинций, что таковы все нынешние святые – деревьяшки в яркой мишуре... «Ученики патриархов мусолят гнилые слова, – орал он во всю глотку, смущая народ, – а истина-то перешла к слепому ослу! Ха! Кацу!»

Связываться с известным скандалистом, в чьих жилах течет капля крови божественного микадо, властям не хотелось.

Вот и сходило с рук...

– Жди меня у костра, – без выражения отозвался Будда Лицедеев, аккуратно заворачивая маску в мягкую ткань. – Ты будешь один?

На «обезьяньего пастыря» старый актер ничуть не обиделся. Зря, что ли, его отец, Кань-ами Киецугу, блистая в трагедиях, был не менее великолепен в комических фарсах?! Да и собственно искусство театра Но выросло, как стебель из зерна, из представлений «саругаку», то есть «обезьяньих плясок»... Безумное Облако знал, что говорит, даже когда окружающим казалось: святой инок богохульствует, потешается или несет откровенную чушь!

– Ты будешь один? – повторил великий Дзэами, не дождавшись ответа.

– Нет. – Монах подошел к столику и встал за спиной великого Дзэами. – Я не люблю быть один. Я не умею быть один. Снаружи меня ждет Раскидай-Бубен, слепой гадатель. Ты его знаешь?

Будда Лицедеев кивнул.

Машинально кивнул и Мотоеси. Он тоже знал историю слепого гадателя, в прошлом – известного сказителя, мастера игры на цитре. Поговаривали, будто Раскидай-Бубна шесть ночей подряд приглашали на кладбище Акамагасэки призраки-аристократы из сгинувшего рода Тайра – петь им сказание о гибели их дома. На седьмую ночь, когда слепцу грозила гибель от рук вконец распоясавшихся мертвецов, его спас не кто иной, как Безумное Облако. Монах

покрыл все тело сказителя знаками священных сутр, и кладбищенский посланец не сумел утащить жертву с собой.

Правда, сознательно или нет, но Безумное Облако забыл украсить знаками уши Раскидай-Бубна, и в результате рвения мертвого гонца сказитель остался не только слепым, но и безухим.

Что ему впоследствии мешало мало, а досужие зеваки раскошеливались вдвое охотнее.

– Я его знаю. Я его знал еще с первого года эры Оэй, года Собаки, когда слепца все звали честным именем Хоити, вместо дурацкой клички Раскидай-Бубен.

– Я имел несчастье родиться в этот год. – Монах рыгнул и победительно оглядел уборную: кто пожелает мне триста лет здравствовать?!

– Да. Ты и еще Мотомаса, мой первенец и старший брат этого молокососа, который слушает твою болтовню, развесив уши до циновок.

Будда Лицедеев совсем уж было собрался спрятать маску в футляр, но узкая ладонь монаха легла ему на плечо.

Великий Дзэами помедлил и легкими, вкрадчивыми движениями развернул ткань, заново открывая взглядам деревянный лик.

Юноша вздрогнул и едва не вмешался, нарушая тем самым все устои сыновнего почтения. Маски были святыней труппы Кандзэдза (да и любой труппы театра Но!); их разрешалось брать в руки лишь актерам, и то пальцы могли прикасаться к маске только в тех местах, где в ушные отверстия продевались завязки; спрятанную маску можно было вновь извлечь на свет в случае нового спектакля или важной репетиции – не более!.. Тысячерукая Каннон! Неужели безумие Безумного Облака заразно? Или просто отец не в силах отказать собрату по рясе, младшему по годам, но много старшему по просветлению сердца?!

В последнем юноша не был до конца уверен, хотя отец неоднократно заявлял об этом вслух.

– Сам вырезал? – спросил монах. – Я ведь помню, ты давно резьбой балуешься!..

– Нет. Мне еще рано. Это работа Тамуры-сэнсея, здешнего мастера. Он живет за селением, у подножия холма Трех Криптомерий. Тамура-сэнсей обещал мне к нынешнему приезду изготовить новую «Горную ведьму». Он говорил, что равной ей не было и не будет.

– Ты ему веришь, обезьяний пастырь?

– Я ему верю, Безумное Облако.

Монах задумчиво пожевал губами.

Сухими, бледными; не губы – шрамы.

– Я жду у костра, – повторил он. – Приходи, выпьем по чашечке саке, полюбуемся луной...

– Слепого гадателя ты тоже пригласил любоваться луной?

– Разумеется! Разве зрячий способен по достоинству оценить полнолуние?! Ты меня удивляешь, Будда всех бездарных шутов от заката до восхода! Кстати, Раскидай-Бубен просил тебе передать: на малом уровне «Прохождения Пути» твой флейтист запаздывает со вступлением. На четверть вдоха. Пучит его, что ли?!

И, не дожидаясь ответа, Безумное Облако неслышно выскользнул из уборной. Разве что снаружи, со стороны внутреннего дворика, донесся вопль зазевавшегося служки – бедолаге досталось рукоятью бутафорского меча по загривку.

Случайно или намеренно – одна Каннон-Заступница ведает.

– Он считает, что эта маска – совершенство, – бросил великий Дзэами, глядя прямо перед собой, но юноша сразу напрягся: отец обращался к нему, и только к нему. – Прекрасное мертвое совершенство, потому что совершенство только таким и бывает: прекрасным и мертвым. Он паясничает, в сотый раз спрашивая у меня: «Не моя ли это работа?» Ему очень хочется хоть краешком глаза взглянуть на новую «Горную ведьму», но он скорее откусит себе язык,

чем скажет об этом вслух. Ты знаешь, Мотоеси, когда Безумное Облако был всего на четыре года младше тебя сегодняшнего, он пытался утопиться. Это случилось сразу после смерти его первого настоящего учителя, Старика-Скромника из обители близ озера Бива...

Юноша весь превратился в слух. Монах, чьи выходки потешали или приводили в ужас аристократов и простолюдинов, почтенных настоятелей храмов и девиц из веселых кварталов; поэт и художник, завсегдагай кабаков и приятель контрабандистов, принц– бастард и мастер дзэн, назло хулителем вступивший в брак с отставной гейшей и родивший от нее сына, – этот «истинный человек» пытался свести счеты с жизнью?!

Быть не может!

– Да, Мотоеси, это именно так. Ему тогда казалось, что мир перевернулся и небо упало на землю. Ты даже не представляешь, какие страсти бродят в Безумном Облаке, прежде чем пролиться кипящим дождем... Молись, чтобы тебя миновала подобная участь! Впрочем, хвала Будде Амиде, тебя она и так миновала.

Юноша потупился.

Он знал, что имеет в виду отец; и меньше всего благодарил за это Будду Амиду.

Кто же благодарит за отнятое?!

– Отец! – вдруг решился он. – Отец, позвольте, я сбегая к Тамуре-сэнсею за новой маской. Он знает меня в лицо, он не усомнится, что я послан вами! А деньги вы отдадите ему завтра... если боитесь отпускать меня ночью со свертком монет! Мастер Тамура – человек благородной души, ему и в голову не придет...

– Ему-то не придет, – перебил великий Дзэами сына. – Ему не придет, но и мне не придет в голову гонять мальчишку по холмам на ночь глядя! И для чего?!

Чтобы обезьяний пастырь, Безумное Облако и слепой Раскидай-Бубен могли сравнить двух «Горных ведьм», любуясь полной луной и пропуская время от времени чарку-другую?! Глупости!

Но юноша прекрасно видел: в глазах отца, напоминающих прорези актерских масок, полыхают молодые зарницы.

Полнолуние, успешный спектакль, общество знатоков – и новая работа Тамуры-сэнсея...

Пир души!

– Позвольте! Отец, я на коленях молю вас! Через час я вернусь – и вы убедитесь: ваш младший сын годен не только столбы подпирать! Отец, пожалуйста!..

– Деньги в «Зеркальной комнате», в шкатулке черного лака, – сдаваясь, буркнул Будда Лицедеев, и теплый взгляд отца был юноше наградой. – Возьми десять ре... и будь осторожен. Я слышал от бродячего ронина, здесь лихие людишки пошаливают...

Великий Дзэами малость кривил душой.

Он отлично знал: ни один грабитель провинции Касуга и пальцем не тронет актера его труппы.

А тронет – жить ему впроголодь, ибо кто ж хоть лепешку продаст этакому варвару?!

...Безумное Облако проводил взглядом юношу, когда тот вихрем мчался мимо их костра.

Дальше, еще дальше...

Скрылся.

– Молодо-зелено! – Мелкие черты лица монаха сложились в гримасу, донельзя напоминающую маску «духа ревности», только без надетого поверх парика. – Ох, сдастся мне, нынче же ночью на могиле этого болтуна Шакья-Муни вырастет еще один сорняк! Что скажешь, Раскидай-Бубен?

Слепой гадатель молчал, надвинув на лоб соломенную шляпу.

Правая рука слепца подбрасывала и ловила персиковую косточку с вырезанными на ней тремя знаками судьбы... подбрасывала, ловила, снова подбрасывала...

Все время выпадало одно и то же.
Неопределенность.

3

Цикады словно обезумели.

Луна, гейша высшего ранга «*тайфу*», блистала во мраке набеленным лицом, щедро рассыпая пудру по листве деревьев, – я вам, дескать, не какая-нибудь дешевая «лань» или даже «цветок сливы»! – и выщипанные брови были заново нарисованы под самым лбом.

Красота так красота!

Роса сверкала на стеблях травы россыпью жемчугов, за спиной подсвечивали небо багрянцем десятки костров, а хор кукушек в роще захлебывался мимолетностью земного счастья. Печален был шелест крыльев ночных птиц, когда они взлетали из черного, прорисованного тушью опытного каллиграфа ивняка в низине – так небрежная завитушка, оставленная кистью напоследок, меняет весь смысл иероглифа. В унисон шуршали листья бамбука, огромные мотыльки мимоходом касались лица, и мнилось: осталось только зарыдать флейте, не опоздав со вступлением даже на четверть вдоха, чтобы мир окончательно стал декорацией к «пьесе о безумцах».

Вдали, по левую руку, за кустами желтинника, виднелись невзрачные изгороди – сплетенные из бамбука, они огораживали уныние серых домов, на тесовой кровле которых лежал гравий. В свете луны он походил на только что выпавший снег, ослепительно белый. Вскоре потянулись пустыри, залитые водой, и наконец к дороге с двух сторон подступили поля колючего проса и луговины, сплошь покрытые высокими метелками дикого овса.

Соломенные сандалии юноши звонко шлепали оземь, а в душе Мотоеси волной нарастало ликование.

Сейчас, сейчас он доставит радость великому Дзэами, господину-отцу, чей ласковый взгляд превыше всех наград! Окружающее казалось предчувствием театральной кульминации, на каждой вершине сосны мерещился длинноносый *тэнгу*, некогда обучавший искусству фехтования героя Есицунэ; в каждой луже плескался пучеглазый *каппа* с темечком, полным воды, охраняя несметные сокровища; призраки былых красавиц водили хороводы вокруг магнолий, а каждый порыв ветра звучал храпом неистового божества *Сусаноо-но Микото*, победителя змея-восьмиглавца из Коси.

В то же время рассудок подсказывал юноше, родившемуся и выросшему в шумном, практичном Киото, резиденции сегунов: все это – лишь игра воспаленного воображения. В наш просвещенный век... увы, сверхъестественное осталось жить в легендах, в наивных рассказах простаков, в песнях сказителей, да еще на театральной сцене, где служит пробуждению смутного очарования в сердцах зрителей. Так, наверное, и должно быть – но почему грусть окутывает плечи светящимся облаком? Почему увлажняются глаза? Почему?!

Кто знает?

Стая ворон с оглушительным карканьем сорвалась с низкого неба, хлопьями пепла упав на просяное поле; и рука сама нашупала за поясом рукоять меча. Просто так, для успокоения. Страх не было, но ощущение шершавой рукояти под ладонью доставило удовольствие. Указом еще позапрошлого сегуна Есимицу из могущественного клана Асикага – отмены ждали со дня на день, но она задерживалась – актеры Но приравнивались к торговому сословию. А значит, им дозволялось ношение одного меча, в отличие от самураев, носителей двух клинков.

Юный Мотоеси улыбнулся.

Меч за его поясом был деревянным. В имуществе труппы имелось с полдюжины настоящих клинков, отнюдь не работы знаменитых оружейников древности, но вполне сносных как для спектаклей, так и для возможной защиты в пути. Но юноша взял с собой «меч слуги» – не хрупкую деревяшку, подобную игрушке Безумного Облака, а изделие из крепкой древесины, окованное медью. В умелых руках, в особенности если это были руки мастера, «меч слуги»

дорогого стоил, позволяя лишний раз не отнимать жизнь у случайного бродяги... или иначе: в случае неудачи не слишком обозлить налетчиков.

Юноша улыбнулся еще раз.

Улыбка вышла горькой.

Его руки не были руками мастера, да и особо умелыми они тоже не были. Если не кри-вить душой, обманывая самого себя, и принимать реальность такой, какая она есть. Да, поль-зуясь дарованными привилегиями, в Киото по протекции отца он посещал вместе с другими молодыми актерами школу фехтования. Да, полным бездарем его назвать трудно – спасала молодость и полное сил, с детства подготовленное тело! – но ничего особо выдающегося из Мотоеси никогда не выйдет. Взгляд сэнсея «кэн-дзюцу», маленького, похожего на краба чело-вечка, сперва был испытующим, потом – чуть-чуть раздраженным; и, наконец, в этом взгляде воцарилось полное отсутствие интереса.

Безмятежность равнодушия.

Маска «божественного старца».

Не будь юноша актером, он вовсе не заметил бы этих оттенков – похожий на краба сэн-сей отличался мимикой каменных статуй храма Касумацу, и выразительность его взгляда была сродни взгляду куклы-неваляшки. Но Мотоеси все-таки был актером, младшим сыном вели-кого Дзэами...

Третья усмешка горчила вдвое.

Мотомаса, старший брат юноши (много, много старший!..), к этому времени номинально числился руководителем беспокойной актерской братии; со дня отцова пострига он возглавлял труппу, исполняя главные роли с неизменным успехом; больше полудюжины пьес Мотомасы вошли в репертуар других трупп – и даже театры марионеток-дзерури не пренебрегали этими текстами, перерабатывая их, что называется, «под себя».

Старший брат готовился воспринять от родителя титул «великого», чего нельзя было сказать о младшем. Пускай юноше не доверяли ответственные роли демонов, одержимых и старцев, требующих от исполнителя жизненного опыта, – но молодые женщины, охваченные страстью! юные воины-аристократы! небесные феи!..

Увы, увы и трижды увы.

Мотоеси приходилось довольствоваться амплуа «второго спутника», в чьи обязанности входил краткий пересказ содержания пьесы, пока главный герой менял парик и готовился к следующему выходу.

А способности к фарсам у юноши отродясь не имелось.

Быть смешным – дар богов...

Взгляд строгого отца, взгляд Будды Лицедеев года полтора назад сменился с испытую-щего на чуть-чуть раздраженный; и юноша с содроганием ждал того дня, когда во взгляде Дзэами воцарится равнодушие.

Поэтому Мотоеси так трепетно относился к любой возможности доставить радость отцу.

Те, кого судьба наградила титулом посредственности, должны знать свое место.

Они должны, не ропща, дорожить малым.

Перейдя речку по шаткому мостику, юноша немного спустился вниз по течению, по песку отлогого речного берега.

Вскоре из ночи выступил мохнатый бок холма Трех Криптомерий, где обитал старый мастер масок.

Первая половина пути близилась к завершению.

Первая половина Пути.

4

– Тамура-сан! Это я, Мотоеси! Вы меня помните, Тамура-сан?! Отец просил...

Тишина.

Можно услышать, как трудятся древоточцы в перилах открытой веранды.

– Тамура-сан! Я принес деньги за новую маску! Я бежал, Тамура-сан, я сразу... сразу после представления... я спешил к вам...

Заскрипели ролики раздвижных *фусума*. Женская фигурка осторожно выглянула наружу; миг – и вот она оказалась на веранде. Лунный свет выбелил морщинистое старушечье личико, осыпал пылью поношенное кимоно на вате, скрывавшее шуплое тельце; хрупкие запястья выглянули из рукавов, изумленно всплеснув на ветру двумя выпавшими из гнезда птенцами.

Спектакль «*Аиои*», сцена четвертая – выход духа сосны из Такасаго, воплощенного в пожилую женщину; реплика «...и право, как верно, что сосну и дикий плющ уподобляют вечности!..»

Но нет, реплика на сей раз была подана иная.

– Кто... кто здесь?

– Донна-сама! – Юноша не помнил, как зовут жену мастера масок, хотя сразу узнал ее в лицо; и поэтому предпочел банальное обращение «госпожа», годное в любых случаях. – Донна-сама! Тамура-сан еще не спит?

Женщина на веранде помедлила, прежде чем ответить.

– Нет... не спит...

Тихий, еле слышный голос; о сказанном приходится скорее догадываться, выбирать смысл из эха, шороха, шелеста, намек на речь, как выбирают скудный улов из рыбачьих сетей.

– Отец просил меня расплатиться за новую маску! Я раньше не мог... можно, я войду?!

– Да... да, молодой господин. Конечно!..

Приглашающий жест, поклон – и женщина, не дожидаясь, пока гость подымет на веранду и войдет в дом, скользит прочь. Вот ее силуэт пересек лунную дорожку на сверкающей от росы траве, вот она торопливо поднимается по склону... сворачивает к роще... дальше, еще дальше...

Исчезла.

Мотоеси недоуменно проводил жену мастера взглядом. Затем пожал плечами, гася в душе смутное беспокойство – в чем причина? что не так? что неправильно?! – и взбежал по ступенькам.

– Тамура-сан? Где вы?

В доме было темно. Сквозь бумажные стены робко пробивался светлый дар полнолуния; юноша наскоро сбросил сандалии и шагнул в гостиную, раздвинув шторы из бамбуковых планок и хрустящего, туго натянутого полотна.

– Тамура-сан! Это я, Мотоеси... вы меня помните?.. Меня...

Ступня, обутая в шерстяной носок, подвернулась, угодив в липкую лужицу. Падая, юноша весь сжался, предчувствуя страшный удар затылком, но удара не последовало. Вместо этого затылок безболезненно ткнулся в нечто мягкое, теплое, подавшееся в сторону от толчка.

Мгновением позже Мотоеси вскочил как ужаленный, весь в холодном поту.

Да и кого не подбросит с пола, если рука вдруг нащупает человеческое лицо?!

Огниво, до того спрятанное в пояс, искрило, трут никак не хотел тлеть, бессмысленно дымя; но вот наконец усилия юноши увенчались успехом. Ему повезло: в центре гостиной, прямо в полу, была укреплена маленькая жаровенка – над такой вечно мерзнущие старики

греют озябшие руки. Лето, осень... не все ли равно? Когда кровь начинает стынуть в жилах, подчиняясь велению прожитых лет...

В жаровне оказалась кучка лучин и горсть трухи (видимо, для скорейшей растопки), так что огонь вспыхнул быстро. Тень юноши на светлой стене внезапно выросла до самого потолка и почти сразу сжалась, забила в угол, превратилась в испуганный комок мрака.

У опрокинутой вазы с узким горлышком бесформенной грудой тряпья лежал Тамура-сэнсей, мастер масок.

Мертвый.

Никаких видимых повреждений на теле мастера не наблюдалось; да и липкая лужица, что заставила Мотоеси поскользнуться... Нет, не кровь. Просто в смертный час престарелый мастер по-детски опростался, утратив власть над телом. Но синюшный цвет лица, распахнутый в беззвучном крике рот, выкаченные глаза ясно говорили: смерть пришла не тихой гостьей.

Рядом с покойником валялся раскрытый футляр для маски.

Верхняя половина футляра треснула, как если бы на нее в спешке наступили ногой.

В страхе Мотоеси сжался, тесно обхватил руками колени, едва не выбив себе глаз рукоятью меча. Почему-то в сознании пойманной в кулак мухой билась одна-единственная мысль: «Что я скажу отцу?! Что я... скажу... Что?!» Юноша зажмурился, пытаясь отрешиться от ужасной сцены, но перед внутренним взором неожиданно встала веранда, залитая лунным светом, хрупкая фигурка в ватном кимоно... «Нет... не спит... да, молодой господин...» – вот жена мастера торопливо удаляется, взбирается по склону...

Что не так?!

Что неправильно?!

Словно яркий свет вспыхнул в душе Мотоеси, забираясь в самые потаенные уголки. Причина смутного беспокойства, боясь освещения, мышью выскочила на открытое пространство, заметалась, ища спасительной темноты... Походка! Походка старой женщины! В прошлый приезд юноша отчаянно бился над тонкостями амплиа «старухи», насилуя собственное естество, ежеминутно напоминая себе слова отца:

– Ежели просто согнуть спину и колени да вдобавок сторбиться, то начисто утратишь весь цветок таланта. В общем-то, наружность и поведение старого человека якобы и должны быть старческими, но человека преклонных лет должно играть в молодой манере – ибо в сердце всякого старика всегда живет стремление любое дело делать по-молодому! И только отставание от ритма есть выражение невозможности – из-за отсутствия телесной силы! – воплотить сие стремление...

Походка жены мастера масок, женщины весьма пожилой, была подобна сценической походке юноши в те дни, когда отец бранил его за внешнее сходство при отсутствии истинной сути!

Но лицо?! – знакомое, памятное...

Но походка?! – лживая, притворная...

– Стойте!

Едва не растоптав и без того пострадавший футляр, Мотоеси вихрем вылетел на веранду.

– Стойте, донна-сама! Подождите!

Тщетно.

Эхо, бестолково заметавшееся над холмом Трех Криптомерий, было ему ответом.

Напрягая все силы, юноша помчался прочь от страшного дома – топча росную траву, вверх, по склону... мимо рощи магнолий...

Исчез.

5

...Он догнал беглянку на той стороне холма, близ деревенского кладбища.

Ему повезло: пытаясь успеть нырнуть в спасительную тень кручи над рекой, женщине пришлось срезать угол погоста, выбежав под ослепительную усмешку полнолуния. Увидев внизу черный силуэт, юноша прибавил ходу, кубарем скатился с холма, временами падая и больно обдирая тело о камни; за спиной насмешливо ухал филин.

– Стойте! Госпожа, стойте!

И стало понятно: ей не успеть.

Двое, преследователь и преследуемая, зайцами петляли между могильными холмиками, – казалось, их насыпали только что, потому что земля в лунных лучах выглядела мягкой и свежей. Все надписи на деревянных надгробиях в пять ярусов были четко различимы до последнего знака, но местами, на могилах победнее, вместо надгробий сиротливо торчали карликовые сосны и криптомерии; а кое-где могилы были просто накрыты соломенными циновками, сверху же символом печали лежали вялые гиацинты.

Пьеса стиля «о безумцах», погоня гневного духа за состарившейся гейшей Комати, ныне нищенкой; реплика: «...пришло возмездье за содеянное зло, и по пути привычному пусть снова колеса застучат!...»

Но нет, и на сей раз была подана иная реплика.

– Да стой, говорю тебе!

Споткнувшись о поваленное ветром надгробие, женщина упала. Покатилась с воплем, судорожно пытаясь подняться на ноги. Прыжком, достойным тигра, Мотоеси перемахнул через ближайшую могилу и оказался прямо над беглянкой.

– Попалась!

Словно тысяча лиц разом взглянула на юношу. Так бывало, когда перед выходом на сцену он приближался к специальному окошку, проделанному в стене «Зеркальной комнаты» и невидимому со стороны зрителей, – приближался, чтобы бросить взгляд на публику. Позднее, в маске, он никогда не имел такой возможности, потому что отверстия для глаз согласно традиции были крохотными, уподобляя актера слепцу, – ибо лишь слепцы обладают проявленным чувством сокровенного. Таким зритель всегда виделся Мотоеси: множество лиц, слитых в одно, общее, вопрошающее лицо.

Меч сам собой прыгнул в ладонь.

Взметнулся наискось над головой, ткнул тупым концом в отшатнувшийся диск луны.

– Кто... кто ты такая?!

Тонкие руки женщины нырнули за пазуху кимоно, в сокровенное тепло, но вместо ножа она выхватила украденную маску, закрываясь ею, словно непрочным резным щитом. Теперь вместо жуткого, тысячеликого лица на юношу глядела «Горная ведьма» – брови тушью прорисованы под самым лбом, рот страдальчески приоткрыт, провалом смотрятся вычерненные зубы; волосы намечены темной краской, посередине разделяясь пробором...

Удар пришелся не в маску – святотатство, недостойное актера в третьем поколении.

В руку, чуть ниже левого запястья.

Послышался отчетливый хруст. Окованное медью дерево вновь поднялось, готовое с силой опуститься, но юноша замер: краденая маска упала на могильный холмик, и вместо лица жены покойного мастера или хотя бы вместо тысячи лиц, безумно слитых в одном, на Мотоеси уставился гладко-лиловый пузырь, похожий на яйцо или волдырь после ожога.

Нопэрапон.

Воровская нежить, способная принимать любой облик.

И, страстно желая избавиться от наваждения, выхлестывая из себя весь ужас, накопившийся еще с момента падения на неостывший труп; изгоняя всю чудовищность ночной погони и рыскания по пустому кладбищу за невольной или вольной убийцей мастера Тамуры...

Юноша бил и бил, уподобясь сумасшедшему дровосеку, деревянный меч вздымался и опускался, вопль теснился в груди, прорываясь наружу то рычанием дикого зверя, то плачем насмерть перепуганного мальчишки; а с неба смотрела луна, вечная маска театра жизни.

Луна смеялась.

6

Колени подогнулись, и юноша упал, больно ударившись о надгробие.

Сил подняться не было.

Рядом лежал сверток с десятью ре, выпав во время противоестественной бойни. По нелепой иронии судьбы сверток упал прямо в ладонь умирающей *нопэрапо* н, и тонкие пальцы машинально согнулись, будто желая утащить с собой деньги туда, во мрак небытия.

Вместо лилового пузыря на юношу смотрело его собственное лицо.

Но подняться, ринуться прочь... нет, не получалось.

– Я... – Тонкие губы дернулись, сложились в знакомую, невозможно знакомую гримасу. – Я... я не убивала... мастер сам – сердце...

Мотоеси захрипел, страстно желая проснуться в актерской уборной и получить за это нагоняй от сурового отца.

Нет.

Кошмар длился.

– Я... в Эдо такая маска... деньги нужны были!.. Деньги... де...

Кровавая струйка потянулась из уголка рта.

Нопэрапон больше не было.

Поодаль, на могильном холмике валялась краденая маска, стоившая жизни своему творцу и воровке. Только вместо знакомых черт «Горной ведьмы» деревянная поверхность теперь была гладкой, полированной, больше всего напоминая скорлупу яйца или волдырь после ожога.

Не помня себя, забыв о деньгах, юноша подхватил маску, плохо соображая, зачем он это делает, и бросился во мрак, полный лунным смехом и стрекотом обезумевших цикад.

...отец не ругал его за потерянные монеты. Еще бы, такое потрясение! – явиться в дом мастера масок и найти хозяина на полу мертвым и ограбленным... Любой растеряется, будь он даже потомственным самураем, а не актером, человеком души тонкой и чувствительной!

Нет, великий Дзэами не стал ругать младшего сына.

А сын не стал показывать отцу, во что превратилась работа мастера масок, последняя работа Тамуры-сэнсея.

7

Через день группа уехала в Эдо.

III. По образу и подобию. Олег

Колено уже почти не болело.

Впрочем, боли не было и в самый первый момент, в миг мальчишества, минуту глупости, за которую я буду поминать сам себя тихим помином в лучшем случае до конца лета.

Если не больше.

В дверь сунулась пухлощекая мордочка и захлопала ресницами. Мордочка была так себе, а ресницы – просто чудо. Длинные, черные, пушистые... Если бы проводился международный конкурс «Ресницы-98», то у мордочки был шанс.

– Олег Семенович... может, это... может, я?! Я умею...

– Спасибо, – с натужной вежливостью буркнул я, еле успев сдержать начальственный рык (кто, понимаешь, смеет без разрешения оставлять занятие?!). – Спасибо, я сам умею...

Отрываться на мордочке было бы стыдно. Пусть я всегда утверждал, что истинный учитель просто обязан быть несправедливым по мелочам – и все равно. Тем паче группа сей доброй самаритянки ждала во дворе. Их тренировка начнется через полчаса, а пока они вольны в поступках. Увы, слух о моей болящей коленке успел выпорхнуть наружу, и теперь многим суждены благие порывы, от которых надо успеть оградиться.

Иначе замучают.

Насмерть.

Дверь не спешила закрываться. Ресницы все хлопали и хлопали, гоня легкий сквознячок; я улыбался уже из последних сил, а для себя переименовал мордочку в ведьмочку. Точно, ведьмочка и есть. Помню, ее привел в сентябре кто-то из наших, гордо сообщив на ухо:

– Крутая сенсиха! С сертификатом...

Моя кислая физиономия разом остудила его пыл.

Сенсиха и впрямь оказалась крутая. Когда я изредка являл младшим свой светлый лик, а они выжимали меня до седьмого пота, сдирали семь шкур и устраивали семь казней египетских – ведьмочка регулярно забивалась в последний ряд. В угол, в самый дальний. Круглолицая хохлушка, местная Солоха, она тайком сообщила своему приятелю, что от меня исходит столб огненный и фиолетовое свечение, чего ее хрупкая аура никак перенести не может.

Странно: перенесла и не сбежала.

Редкость.

Поверьте мне на слово: наиредчайшая редкость.

– Спасибочки, – неприятным баритоном повторил я. – Извини, родная, но я не могу в присутствии посторонних ликвидировать энергетическую утечку. Канал «ци-лунь» сбоит, понимаешь?

Это она понимала. Это она еще как понимала, и я наконец остался один.

Услужливое воображение мигом нарисовало картинку. Я соглашаюсь на помощь ведьмочки, она вихрем влетает в тренерскую и, грациозно сбросив кимоно (эт-то непременно, господи мои!), втирает мне в коленку дымящийся отвар. А я выпендриваюсь доморощенным Воландом, слушая вполуха, как из-за стены громяют заклинания вкупе с методичным воплем хора демонских глоток.

Любой нормальный человек, сосчитай при нем до десяти по-японски, примет это за наигнуснейшее заклинание в десять этажей.

– Р-рэй!

Ага, значит, все. Надо плотно закрыть дверь.

– Надо дверь закрыть, – сказал Ленчик, входя и брякая засовом. – Они тебя лечить хотят. Мануально и по-всякому. Слышь, Семеныч, ты как?

– Отлично. Теперь буду хромать на обе ноги.

Лицо Ленчика выразило неодобрение. Интеллигентное неодобрение, с каким он обычно просит закрыть форточку (сквозит!) или ищет заваленные чужим барахлом кальсоны (на улице сыро!). У младших это поначалу вызывает улыбку; у остальных – ничего не вызывает. Привыкли. Даже легенд насочиняли, впору эпос составлять. А правда тихо лежит себе у Ленчика в боковом кармане: затертая корочка инвалидского удостоверения.

Редко кто верит с первого раза, что этот крепыш с осколком в позвоночнике сам поднял себя из кресла. За волосы. И с тех пор не боится ничего, кроме сквозняков и простуды.

Ладно, замнем. Тем паче я прекрасно помню, с каким упрямством Ленчик требовал еще у Шефа перевода в мою группу, хотя стаж его занятий вкупе с опытом тянул на большее – я тогда средние года учил. Боже, как давно это было...

– Читал?

В поле зрения объявилась вырезка из газеты. Я привстал, и колено мигом напомнило о себе. Да, точно, до конца лета, никак не меньше... Вырезка бумажным мотыльком трепыхнулась в воздухе и подлетела ближе.

Я взял ее. Скользнул равнодушным взглядом.

«ГЛАДИАТОРЫ, или БИЗНЕС ДО СМЕРТИ». Над заголовком, шрифтом помельче: *«...осталась без мужа женщина и осиротели ПЯТЕРО детей...»*

– Ты читай, читай! – Ленчик уже развязал пояс, свернув его в аккуратное колечко.

Черная гадюка в кубле.

– Зачем?

– Семеныч, тебе что, жалко?!

Мне не было жалко. Считайте меня толстокожим извергом, Дракулой во плоти, но мне не было жалко даже безымянную женщину с ее пятеркой сирот. Врут акулы пера: гладиаторы-то были рабами, а наших битков никто не принуждает совать свой клюв в бои без правил. Сунул, орел? – не ори, что прищемили! Вон на снимках – цветных, чтоб страшнее! – экие рожи... А подписи-то, подписи! Не иначе, всей редакцией рожали, в муках. **«Я тебя утоплю в крови!»** **«Смерть надо принять достойно!»** **«Ларри Паркер – мало не покажется!»** **«Даглас Дедж – уже все...»**

Я пригляделся к последнему снимку. Бородатый мужик, голый по пояс, лежал навзничь, а рядом топтались лаковые туфли рефери. И впрямь – все. Мало не показалось. Что ты забыл у нас, бедный Даглас Дедж? Призы в Штатах маленькие? Судил я однажды по молодости да глупости пару таких турниров, один – вместе с Ленчиком... на всю жизнь затошнило.

Оно, когда челюсти настоящих мужчин с татами собираешь, сперва ничего, даже весело, а потом всегда тошнит.

В дверь постучали. Ленчик убрал засов, и рыжая борода влезла к нам из общей раздевалки.

За бородищей маячили добрые самаритяне в ассортименте.

– Ты как? – спросила борода, проявляя заботу.

– Лучше всех. – Я криво ухмыльнулся в ответ и сменил рабочие очки на парадные. – Заходи, Димыч. И дверь закрой.

Мой бессменный друг и соавтор первым делом почему-то ухватил газетную заметку. Вот она, всеобщая грамотность, вот ее кислые плоды!

– Это правильно, – сам себе сообщил Ленчик, надевая шерстяные кальсоны (те самые, знаменитые), которые носил под джинсами до июля месяца. – Пусть и Димыч прочтет.

– Вслух? – мигом поинтересовался Димыч.

Ленчик подумал.

– Давай вслух, – благосклонно разрешил он.

– «Этот человек был бойцом, чемпионом мира по боям без правил, мастером кемпозюцу, лучшим учеником Ройса Грейси, – слегка картавя, затянул Димыч на манер панихиды. –

Его бой с одним из представителей местного клуба „Тайра“ закончился неожиданно для всех. Уже на первой минуте поединка после серии мощнейших ударов по голове американца ему потребовалась медицинская помощь...»

– После серии мощнейших ударов по голове американца, – со вкусом повторил я; потом, не вставая, изобразил эту серию в красках и подробностях. – Не статья, а мечта патриота! Янки, гоу хоум – и в рыло!

Димыч хмыкнул и продолжил:

– «Медбригада констатировала остановку дыхания. В 21.20 пострадавшего доставили в отделение нейрохирургии. А по смертельному рингу, как по подиуму, расхаживали манекенщицы в вечерних платьях, которым было невдомек, что человеку на носилках уже не до их праздника жизни...»

– И прослезился. – Я, кряхтя, встал. Пора одеваться. Пора ковылять домой. Зализывать раны пора. А там будем посмотреть.

Ну злой я, злой!.. И плевать хотел на их праздник жизни после серии ударов по голове.

– Ты завтра ходячий? – спросил Ленчик.

– А хрен его знает, – честно ответил я.

– Жалко. Я тебя в одно место свозить хотел. Разговор есть.

– Не, Ленчик... Давай в другой раз.

– Давай. Хотя надо бы завтра.

– Темнишь?

– Нет. Просто...

Он склонился на дверь. Со значением. Дескать, лучше с глазу на глаз. Не приведи Великое Дао, подслушают или заметку втихаря прочтут – караул!

Враг не дремлет!

– Семеныч, ты завтра точно не можешь?

Я завтра точно не мог. По целому ряду причин. Хотя знал: если Ленчику какая блажь втемяшится в голову – ее оттуда не то что колом, асфальтовым катком не вышибешь! Впрочем, спасение мое объявилось внезапно.

– Давай я съезжу, – предложил Димыч, отрываясь на миг от заметки. – Чего тебе с твоим коленом мотаться? Ленчик, я тебя устрою?

Ленчик долго размышлял.

Губами даже шевелил.

– Ладно, – наконец смилостивился он. – Семеныч, ты его потом расспроси, в подробностях. Хорошо?

– Хорошо, – кивнул я. – Расспрошу. С пристрастием. На дыбу вздерну и расспрошу.

– А бросал ты их здорово. – Ленчик надел куртку и стал аккуратно расправлять капюшон. – Кто ж мог знать, что там паркетина отскочила... Тебя подождать?

– Подожди. До метро прогуляемся. Или машину поймаем.

Я не стал объяснять Ленчику, что дело не в паркетине. Не совсем в паркетине. А в грехах юности, героической дури былого, которая так и норовит сейчас отдаться в сломанном некогда запястье.

Или в опорной ноге, когда та не вовремя вспоминает о прошлых вывихах и запаздывает на миг выполнить приказ.

Ленчик старше меня года на два-три.

Он и сам все понимает.

Дмитрий

Под ногами вкусно чавкала весна.

Какой-то придурок оставил здоровенный трейлер стоять прямо посреди улицы, так что к нужному нам дому таксист подъехать не смог. Вот и приходилось теперь месить грязь Нижней Гиевки, лавируя между многочисленными лужами.

Всегда удивлялся и завидовал тем везунчикам, которые даже в распутицу ухитряются сохранить обувь и брюки в первозданной чистоте. У меня это никогда не получалось. Как ни стараюсь ступать аккуратно – все равно туфли придется дома отмывать. Хорошо хоть штаны такой расцветки, что грязи на них не видно, – но ее там хватает, можно не сомневаться! Зато нижний край моего плаща все явственнее приобретает вид камуфляжа.

Ну и черт с ним! В первый раз, что ли? Привык уже...

По левую руку от нас, на пустыре, жгли костры из всякого хлама. Запах дыма удивительно напоминал аромат осенних пожарищ, где топливом служит палая листва (да что ж они там жгут, в самом деле?!); костров было несколько, пять или шесть, они располагались огненным полукольцом, охватывая помост... да нет, не помост – просто мусоросборочную машину, и на крыше кабины топтался мужик в ватнике. Зачем? с какой целью?! – Бог весть, но снизу на мужика во все глаза глядели двое его коллег и толпа местной пацанвы.

Пьеса «Киецунэ» в новом переложении, сцена шестая, реплика: *«...все тщетно в нашей жизни. На мгновенье блеснет роса – и тает без следа...»*

Смейся, паяц.

Дом, до которого мы наконец дохлюпали, мне сразу понравился. Чистенький, розовый, за ажурной оградкой – именно оградкой, а не высоченным забором, сплошь утыканным поверху битым стеклом, как все вокруг. Клумбы, цветники, деревья в нежной клейкой зелени – и никаких теплиц, огородов... Веранда. Дорожки опять же плиткой выложены. С любовью сделано, сразу видно.

И за славные денежки.

Калитка была не заперта, но, когда Ленчик толкнул ее, внутри, где-то в глубине дома, мелодично отозвался колокольчик.

А еще мне послышалось тихое рычание из-за кустов сирени.

Хозяйка материализовалась на веранде словно из воздуха – во всяком случае, я не успел заметить, откуда она появилась. Плотная невысокая женщина лет пятидесяти в старомодном, но очень стильном костюме маренового цвета. В лице ее было что-то неуловимо восточное: разрез глаз? цвет кожи? губы? Какая разница. Неудобно так пялиться на незнакомого человека.

И вообще: Восток – дело тонкое.

– Добрый день, Зульфия Разимовна, – машет рукой Ленчик. – Вот, как договаривались...

– Добрый день, – попугаем повторяю я. – Дмитрий.

– Дмитрий? – Густые брови хозяйки ползут вверх. – Леня, вы же говорили... Впрочем, неважно. Очень приятно, Дмитрий. Вы не возражаете, если мы расположимся на веранде? А то в доме не проветрено, я только приехала.

– Конечно, ничего не имею против, – равнодушно соглашаюсь я.

А про себя думаю: на веранде наверняка курить можно!

Столик и три легких пластиковых стула уже ждут нас. Я спешу извлечь купленную по дороге коробку конфет и бутылку розовой «Каролины». Зульфия Разимовна улыбается одними глазами и извлекает из стенного шкафчика вторую коробку конфет, сестру-близнеца моей. Затем на столе появляется вазочка с печеньем, чашки, фарфоровый чайничек для заварки...

Я, намекая, гляжу на принесенную бутылку, но хозяйка отрицательно качает головой.

– Спасибо, Дмитрий, я не пью.

Ленчик согласно кивает, и я понимаю: он тоже не пьет. Во всяком случае, в присутствии хозяйки.

Ну и ладно! С Олегом дома выпьем. Не оставлять же добро этим трезвенникам! Вино в шкафу, что цыган в тюрьме...

Я нагло сгибаю бутылку со стола и засовываю ее обратно в сумку.

– Чайник сейчас закипит, – сообщает Зульфия Разимовна и, безошибочно угадав во мне курильщика, выставляет на стол потемневшую от времени бронзовую пепельницу.

– Спасибо.

Извлекаю свой любимый «Данхил», спички; сижу, пускаю дым в сторону, стараясь не окуривать хозяйку и Ленчика.

Молчим.

Ну и зачем я сюда приехал? В молчанку играть? Потом чайку попьем – и обратно?

Видимо, эта мысль достаточно явственно отражается у меня на лице, поскольку картина «Три тополя на Плющихе» наконец приходит в движение.

Зульфия Разимовна извлекает из нагрудного кармана визитку и протягивает ее мне, а Ленчик нарушает обет молчания.

– Знакомьтесь, – ни к селу ни к городу сообщает он.

В ответ я вручаю хозяйке свою карточку, с гордым словом «Писатель», двумя электронными адресами, телефоном, факсом и прочими прибабасами. Ну люблю, люблю я пускать пыль в глаза, есть такая слабость! Хотя, с другой стороны, ведь все правда: действительно писатель, и *e-mail* у меня есть, и факс-модем вполне приличный – а то, что факсовой его частью я до сих пор пользоваться не научился, так это на визитке указывать не обязательно! Надобности пока не было – вот и не научился...

Минуту-другую мы с хозяйкой изучаем верительные грамоты, и в результате часть последующих слов Ленчика проходит мимо моих ушей.

«Иванова Зульфия Разимовна». Это ж надо! «Межрегиональный медицинский центр „Здоровье“. Старший врач-консультант, кандидат наук». И телефон. Адреса, как и на моей визитке, нет. Это правильно. Кому надо – позвонит.

– ...Димыч, у тебя ведь «Пентиум»? – доносится до меня голос Ленчика.

– Двухсотый, – машинально отвечаю я. – Тридцать два метра оперативки.

– Слушай, а можно будет к тебе зайти, одну программку раскрутить? А то у Зульфии Разимовны сотая «четверка» не справляется.

– В принципе, можно. А что за программа?

Они что, за этим меня сюда затащили? Можно ведь было и по телефону договориться!

Впрочем, они не меня, а Олега хотели...

– Понимаете, Дмитрий, – вступает в разговор хозяйка дома, – мы с Ленею увлекаемся астрологией. Тут нам из Москвы привезли новые программы для составления солярных диаграмм, а моя развалюха их не тянет. Если бы вы были столь любезны...

– Нет проблем. Машина у меня свободна по вечерам – с утра я работаю.

– Так и я с утра работаю. – Зульфия Разимовна на этот раз улыбается по-настоящему, молодея лет на десять. – Скажем, в среду, часов в шесть вечера, вас устроит?

– Вполне. Только эти астрологические программы вам самим ставить придется – я в них не специалист.

– Конечно, конечно, – спешит заверить меня хозяйка, – я буду вам очень благодарна! Если хотите, могу составить гороскопы вам и вашему соавтору...

– Не откажусь...

Еще несколько минут мы рассыпаемся в любезностях и взаимных заверениях, вокруг стремительно нарастает ком словесной шелухи, но тут наконец закипает чайник, и Ленчик начинает колдовать над его меньшим фарфоровым собратом. Ленчик – большой специалист по

заварке чая. Как, впрочем, и мой соавтор. Все эти бесконечные ополаскивания, переливания, самую малость сдвинутая крышечка, специальные подставки из можжевельника... И пьют они оба чай крепкий, чуть горчащий, без сахара – дабы не портить вкус божественного напитка.

Я тоже люблю крепкий, но с сахаром. За что Олег называет меня «извращенцем». А я его – «чайным маньяком».

Сокращенно: «чайняком».

Ленчик – тоже «чайняк». В отличие от Зульфий Разимовны, которая, как выясняется, принадлежит к великому содружеству сладкоежек!

На пятой конфете я не выдерживаю.

– Зульфия Разимовна, я очень люблю чай, но...

Я выразительно смотрю на нее в упор, и хозяйка дома кивает, не отводя взгляда.

– Вы правы, Дмитрий. Просто Леня говорил мне о другом человеке... да и я не очень хорошо знаю, с чего начать. Эта история наверняка покажется вам странной.

Вах, женщина – какое знакомое начало! Сколько моих приятелей начинали свои рассказы, повести и романы этими сакраментальными словами! Но Зульфия Разимовна – не писатель. И наверняка не собирается пересказывать мне идею очередного триллера. Однако... я, конечно, тоже не Шерлок Холмс, могу и пальцем в небо угодить – но сейчас попробую угадать.

Я лезу в сумку, извлекаю оттуда помятую записку и разворачиваю ее перед старшим врачом-консультантом.

– Речь пойдет об этом?

Она утвердительно наклоняет голову; ветер играет прядями иссиня-черных волос без малейших признаков седины.

Красится, наверное.

– Это хорошо, что вы уже в курсе. Дело в том, Дмитрий, что я была председателем медкомиссии на этом турнире. Понимаете, я знаю, кто убил американца.

– И я знаю. – Трудно сдержать ухмылку, да я и не очень-то пытаюсь. – И полгорода знает. Очередной костолом из «Тайра».

– Ах, если бы! – Карие глаза Зульфий Разимовны становятся очень серьезными, и на миг мне кажется: хозяйка дома растеряна, крайне растеряна, и сдерживается из последних сил.

Эта растерянность, а также последующие слова Зульфий Разимовны действуют на меня, как холодный душ.

– Этого, как вы изволили выразиться, «костолома» я не допустила к турниру по состоянию здоровья, – тихо роняет она, и после ее слов в воздухе повисает вязкая пауза.

Мне резко хочется курить, и я лезу в карман.

Врач

С первым квартетом «мордобойцев» никаких проблем не возникло: к их здоровью еще бы малость мозгов – и хоть в космонавты зачисляй! А так, как в старом анекдоте: «Были бы мозги – было б сотрясение!» Однако у пятого, лобастого, с бритой наголо головой и водянистыми, навывкате, глазами, обнаружилось повышенное внутричерепное давление. Изрядно, надо сказать, повышенное. И Зульфия Разимовна, не раздумывая, отстранила его от участия в турнире.

Безоговорочно.

Так председатель медкомиссии и сообщила представителю клуба, заявившемуся в ее кабинет вскоре после ухода бритоголового бойца. Тот попытался было спорить, но вскоре сдался и обещал прислать замену. В «Тайре» крепких ребят хватало – найдет другого, поздравее, никуда не денется.

А Ивановой платят за работу, а не за суету под клиентом.

И неплохо платят; многие коллеги искренне завидуют – синекура, и только!

Представитель ушел, и сразу вслед за ним в дверь бочком протиснулся лысоватый мужчина лет сорока – сорока пяти. В руках мужчина тискал картонную папку с какими-то бумагами.

– Карточки принесли? – поняла Иванова. – Наконец-то! Давайте, давайте, я их уже давно жду!

– Да я это... я не карточки, – промямлил мужчина, глядя в пол. – Я на медкомиссию. Это здесь?

– Здесь. Только вы, наверное, ошиблись кабинетом – здесь проходят медкомиссию кандидаты на участие в «боях без правил».

– Да, да, все верно. Я тоже... кандидат! – Заискивающая улыбка и подмигивание, достойное Дон Жуана; правда, Дон Жуана после каменных объятий Командора.

– Вы?! – опешила Зульфия Разимовна. – Вы хоть представляете, что это такое? Вы от какого-то клуба? Федерации?

– От клуба «Тайра»! – гордо заявил посетитель и протянул ей пластиковую карточку-удостоверение.

– И Константин Георгиевич счел возможным выставить вас на турнир?!

– Да. Счел, – подтвердил мужчина, сияя новой копеечкой.

Аж плешь вспотела.

– Вы в списках есть? Как фамилия?

Названная фамилия действительно обнаружилась в списке. Она стояла самой последней и была вписана в распечатку от руки, фиолетовым фломастером.

– Ну хорошо, – вздохнула Зульфия Разимовна. – Раздевайтесь. До пояса. Посмотрим вас.

И сокрушенно покачала головой, окинув взглядом отвисший живот, сутулые плечи и дряблые мышцы «кандидата».

Разумеется, как и следовало ожидать, у мужчины обнаружился полный «джентльменский набор» типичного городского интеллигента, ведущего малоподвижный образ жизни: запущенный остеохондроз, тахикардия, слабая близорукость, варикоз и далеко не радостная кардиограмма.

Большинство из всего этого можно было определить даже на глаз, но Зульфия Разимовна скрупулезно провела полный осмотр, после чего с чистой совестью вывела на карточке «кандидата»: «К турниру не допускается по состоянию здоровья».

Число.

И подпись.

Мужчина был явно обескуражен, но возражать не пытался: тихо оделся, забыв карточку с заключением на столе, и понуро вышел из кабинета.

Дмитрий

– А вечером мне позвонили. Мое начальство. – Зульфия Разимовна аккуратно поставила на столик пустую чашку и бросила короткий взгляд на Ленчика.

Ленчик молча кивнул – продолжайте, дескать.

Все свои.

– Звонок как звонок, ничего особенного, только я сразу почувствовала: что-то не так. И вот, уже прощаясь, наша заведующая центром как бы между делом интересуется: вы, Зульфия Разимовна, сегодня там кого-то до турнира не допустили? Да, говорю, не допустила. Двоих. У одного внутричерепное повышено, ударят – и здравствуй, инсульт!.. А второму вообще трусцой бегать надо. Небось достал тренера, а тот его ко мне сплавил, чтоб отвязаться, – заранее ведь знал, не пропущу красавца! И тут наша заведующая вдруг начинает лирику: дескать, «эти люди сами знают, на что идут», и подписку они дают, и тренер тоже готов – под свою ответственность... А в итоге просит допустить «этого человека» к участию в турнире!

На некоторое время хозяйка дома умолкает, нервно разминая пальцы и глядя в сторону. Да, неприятно, когда на тебя давит начальство. Можно только посочувствовать. Но я все еще не могу уразуметь: при чем тут Олег или я? Да и Ленчик...

– Я сначала не поняла. Думала, она за бритоголового просит. Спрашиваю, а заведующая смеется натянуто: да нет, мол, Зульфия Разимовна, того вы правильно не допустили! И тут я совсем перестаю что бы то ни было понимать. А она мне снова про подписку, про тренера, который готов под свою ответственность, и надо бы пойти навстречу, а если теленок сам лезет бодаться с дубом – мы врачи, а не педагоги, в конце концов, это его телячьи проблемы. Ну, понаставят синяков, глядишь, образумится! Такие, пока на своей шкуре не почувствуют... Нет, нет, конечно же, укажите диагноз, но только вместо «не допускаю» – «не рекомендую». Чуть другая формулировка, не более, и никто не будет к вам в претензии...

Зульфия Разимовна откинулась на спинку стула и перевела дух.

– Трусиха я, Дмитрий. К чему мне конфликт на работе? Мало ли, может, у начальства с «Тайрой» свои дела... Честно составила повторный диагноз, резолюцию «не рекомендую» – и назавтра утром отдала карточку этому «бойцу» с остеохондрозом. А через пять минут является ко мне их представитель: конфеты принес – та самая коробка, которую я на стол выставила! Благодарил – и при мне написал на карточке: «...под личную ответственность». Ну, подписку они все дают, еще до медкомиссии. А перед уходом вдруг спохватился – и кладет на стол два билета. Вот, говорит, это вам. Приходите с мужем. Или с сыном – надеюсь, вам понравится. И ушел, довольный такой. Я на билеты глянула: второй ряд, чуть ли не самые лучшие места! А цена... В общем, Дмитрий, около сорока долларов за каждый.

– Ничего себе! – непроизвольно вырвалось у меня.

– Вот именно, – согласилась Зульфия Разимовна. – А потом, когда деньги в кассе получила – мы ведь не бесплатно на них работаем! – вижу: сумма в ведомости больше обычной. Я-то уже знаю, они меня в медкомиссию третий год приглашают. Кассир говорит: премиальные. Нет, все законно, все по бумагам... И мнение свое я честно написала, и диагноз – а душа не на месте! Ну зачем, зачем им этот книжный червь с остеохондрозом, что они так с ним носятся?! Хоть вы мне объясните: зачем?!

Я только кивнул. А потом спохватился и помотал головой из стороны в сторону.

Я этого тоже понять не мог.

– Вот вы, Дмитрий, – хозяйка дома внезапно подняла на меня глаза. – Вы ведь и помоложе его лет на семь, и явно покрепче будете – хотя и вас, вижу, остеохондроз не миновал. – Я опять кивнул и развел руками: что да, то да... – Не поймите превратно, но я бы и вас скорее всего не пропустила! Скажем так: крепко подумала бы. («А я и сам не рвусь», – пробормотал

я.) И тем не менее – заведующая звонит, представитель благодарит, деньги платят, билеты... В общем, неприятный осадок. Словно продалась кому-то. Думала-думала, решила-таки сходить посмотреть. Муж отказался: у него как раз в этот день дела объявились; сына с женой на именины к другу пригласили – короче, второй билет я подарила соседскому мальчишке. Так он, когда понял, что это не шутка, от счастья так заорал, куда там коту мартовскому... Прибралась в квартире, обед сготовила – и пошла. Своими глазами увидеть, что ли...

Врач

Всю дорогу от метро до Дворца спорта у Ивановой спрашивали лишний билетик. Дороговизна изначальная вкупе с дороговизной «вершков» не пугала. Долговязые подростки в кожаных куртках, солидные дядьки, как две капли воды похожие на странного «кандидата», голенастые девчонки на роликах...

Народ желал зрелищ.

У ступеней входа рычало людское море, разделенное надвое местным Моисеем – милицейским полковником. Две шеренги серых мундиров, сомкнувшись плечом к плечу, открывали для счастливиц доступ в святая святых. Зульфия Разимовна одернула плащ и не спеша двинулась по рукотворному проходу. Ступени. Холл. Вежливая билетерша в стеклянных дверях. Если бы еще Иванова понимала, зачем она сюда пришла...

Исключительно вкусное мороженое придало хоть какой-то смысл сегодняшнему походу.

Трибуны оказались забиты под завязку. Зульфия Разимовна ожидала увидеть публику сорта определенного, более того, сорта хорошо известного – но ожидания не оправдались. Вернее, оправдались лишь частично. Вон и впрямь сидит плечистый молодец со сломанным носом, хоть сразу в бой, последний и решительный, зато рядом блестит очками согбенный наукой профессор, и румянец кипит на гладко выбритых щеках, румянец предвкушения; а за профессором на полряда – выводок соплюх, жадно вперившихся в рекламные щиты на стенах. И смешались человеки, всяк со всяким, взыскуя услад...

Зульфия Разимовна прошла во второй ряд, протолкалась к законному месту и села. Отсюда было видно не просто хорошо – прекрасно. По труду и плата. Центр зала аккуратно застелили зелеными коврами («Татами», – неожиданно для себя вспомнила врач), и вокруг газона-пентаграммы, за столиками, сидели чинные мужчины в костюмах. Боже! – они еще и при «бабочках»... Зульфия Разимовна вспомнила боевик, давным-давно виденный по телевизору. Никаких ковров, никаких «бабочек», а место будущей драки окружали проволочные сетки в два роста.

То ли боевик врет, то ли на сетки у организаторов средств не хватило...

Начало ей, вопреки предчувствиям, понравилось. Заиграла музыка, цветные прожектора завертели леденцовую метель, и на ковры выбежала толпа симпатичных девиц в трико. Девицы принялись махать руками и ногами, иногда попадая в такт, иногда – нет, но выглядело это вполне пристойно. Правда, по трибунам загуляли игривые смешки, а сосед Зульфии Разимовны откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Соседу было скучно. Соседу не нравились девицы.

Сосед хотел, чтоб без правил.

Зато даже сосед оживился, когда девиц сменили парни в белых кимоно, похожие на агрессивных снеговиков. Снеговики по очереди били друг друга ножами, палками и разными предметами, но итог не баловал разнообразием: агрессор непременно шлепался на... (татами – снова вспомнила Зульфия Разимовна). Жаль, музыку отключили, прямо посреди выступления. В последнее время Ивановой нравилась такая, ненавязчивая и мелодичная. Под нее хорошо отдыхать. И, как оказалось, хорошо отбирать ножи или плясать в трико. Сердца мужские ранила глубоко. Дома попробовать, что ли...

Начало первого боя она проморгала. На зелени пентаграммы сами собой возникли люди, один в полосатом костюме-тройке, двое других – голые по пояс. Невнятно рокотнуло из динамиков, остальные слова утонули в реве возбужденных трибун; и полуголые сошлись вприпрыжку. Видно было хорошо, но на этом достижения Ивановой закончились: она так и не поняла, что произошло. В памятном боевике все было гораздо отчетливей, а здесь... Один

боец почти сразу упал, второй упал на него сверху и принялся азартно шевелиться, пока не вмешалась полосатая «тройка». И так, словно в глупом анекдоте, «восемь раз». Наконец первый ушел на негнущихся ногах, а второго проводили воплями и свистом.

В самый последний момент победитель обернулся, и Зульфия Разимовна отчетливо увидела его лицо. Совсем молодое, с жиденькими усиками на верхней губе. Лицо противоречило мощному, давно мужскому телу, противоречило всем: удивлением, намертво застывшим на нем, пронзительной голубизной взгляда, кровоподтеком на скуле...

«Хороший мальчик, – подумалось невпопад. – Жаль».

А потом ей стало тоскливо.

Пентаграмму топтали все новые и новые претенденты, они падали, вставали, шевелились, снова падали; в паузах выбегали то девицы, то белые снеговики-забияки, то маленький, похожий на краба человечек с огромным мечом – и снова: полуголые люди падают, встают, шевелятся, выкрикивают сорванными голосами. Вокруг нарастал девятый вал зрительских пристрастий, и Зульфия Разимовна поймала себя на удивительном желании: ей захотелось крикнуть. Как можно громче. Неважно что – лишь бы громче. А еще ей захотелось встать... нет, вскочить и вскинуть руки к потолку.

Глупо.

Стыдно.

Но – хочется.

Она осталась сидеть на месте и даже не крикнула. Потому что буря сменилась громоподобным хохотом. Смеялись все: зрители, строгие судьи за столиками, даже старенькая уборщица в служебном проходе смеялась, опираясь на выдавшую виды швабру. Старый знакомый Зульфии Разимовны стоял в ближнем углу пентаграммы и, забывшись от волнения, почесывал отвислый животик. Лысина всю отражала свет прожекторов, и голова «кандидата» походила на лик Николы Угодника, намалеванный пьяненьким богомазом. Напротив же вяло приплясывал огромный бородач, все тело которого покрывали устрашающие татуировки. Кажется, бородач был единственным, кто не смеялся (если не считать Ивановой). «Я пришел сюда работать, – невидимым лозунгом висело над бородачом, – работать честно и за деньги, а все остальное меня не интересует».

Полосатая «тройка» сбегала к угловым столикам, заглянула в какие-то бумажки и вернулась обратно.

Отмашка, команда тонет в хохоте – и бойцы сошлись.

Зульфия Разимовна не понимала ничего раньше; не поняла и теперь. Ей показалось, что бородач еще на подходе сунул перед собой кулаком, но рука гиганта вдруг повисла мокрой тряпкой, а лысенький «кандидат» не успел остановиться и с разбегу ткнулся в татуированную грудь. Подбежала «тройка», но было поздно: бородач навзничь лежал на полу, а «кандидат» бессмысленно топтался над противником, даже не пытаясь ничего делать.

Врач встала и начала пробираться к выходу, слыша, как затихает хохот за ее спиной.

У самых дверей ее толкнули.

– Извините, – со странной озлобленностью буркнул дядька в белом халате, один из двоих, что тащили носилки; и процессия свернула в служебный проход, едва не сбив с ног причитавшую шепотом уборщицу.

Прежде чем они скрылись в темноте, Зульфия Разимовна успела увидеть: у человека на носилках нет лица. Гладкий лиловый пузырь, больше всего похожий на волдырь после ожога, обрамленный нелепой бородой. Нет, померещилось: конечно, у бородача было лицо, обычное человеческое лицо – просто цветная метель прожекторов и дежурная лампочка над боковой дверью, мимолетно скрестив лучи на пострадавшем бойце, зло подшутили над доктором Ивановой.

Очень зло.

Назавтра, в утренней газете, она прочитала заявление своего приятеля, заведующего нейрохирургическим отделением.

«Его убили прямо на татами, а в больницу привезли уже умирать. У пострадавшего наступила кома 3-й степени. Компьютерная томография показала, что произошло кровоизлияние в ствол головного мозга, массивное кровоизлияние в субарахноидальное пространство и отек белого вещества. Еще там, в зале, оперативное вмешательство было бесполезным. Он был обречен».

И тогда Зульфия Разимовна позвонила Лене.

Дмитрий

– Понимаете, все-таки в этом есть и моя вина. – Госпожа Иванова нервно комкает в пальцах белоснежный платок с вышивкой по краю. – Я должна была настоять, чтобы его не допустили к турниру! Но... я ведь опасалась за него самого – а не за того, с кем ему придется драться! И теперь, если начнется разбирательство... меня могут обвинить в недобросовестности, что я пропустила... Вот я и позвонила Лене. Он говорил, что раньше и сам был судьей, а ваш соавтор...

– Зульфия Разимовна, успокойтесь. – Ленчик осторожно трогает хозяйку за локоть, и та послушно умолкает. – Вашей вины в гибели американца нет. Мы, конечно, проконсультируемся с Олегом Семеновичем, – при посторонних Ленчик всегда называет Олега на «вы» и по имени-отчеству, – но любой специалист подтвердит вам...

– Совершенно верно, Зульфия Разимовна, – спешу я прийти на помощь Ленчику. – Давайте рассуждать спокойно. Подписку этот лысый давал? Давал. И американец наверняка давал. Так?

– Так, – кивает Иванова.

– Значит, претензий к вам со стороны его клуба или родственников быть не может. Так?

– Так... – менее уверенный кивок.

– Дальше: американец проходил медкомиссию?

– Конечно! У них с этим еще строже, чем у нас. Но и здесь его тоже осматривали. Я, кстати, и осматривала... – глухо добавляет она.

– И что? Он был здоров?

– Абсолютно!

– Очень хорошо. Значит, любая экспертиза подтвердит вашу компетентность. Таким образом, и с этой стороны к вам претензий быть не может. А если возьмутся за лысого, который американца убил, – в карточке есть ваше заключение и диагноз. Плюс запись представителя клуба насчет личной ответственности. Вы ни в чем не виноваты!

– Да я понимаю, понимаю. – Зульфия Разимовна сунула платок в чашку с чаем, спохватилась и принялась выкручивать тонкий батист. – Только все равно сердце болит. Человек погиб... По-дурацки погиб. И я к этому причастна! Если бы я настояла на своем...

– Ну а если бы американца убил здоровый костолом без тахикардии – была бы какая-то разница? Для убитого – вряд ли. Да и для остальных тоже.

– Наверное, вы правы, Дмитрий. Я зря переживаю – но я ничего не могу с собой поделать! У меня такое в первый раз, за двадцать четыре года медпрактики...

– Зульфия Разимовна, скорее всего никто вообще не будет интересоваться здоровьем победителя. А если заинтересуются и увидят ваш диагноз – только плечами пожмут. В итоге спишут на несчастный случай и забудут. Собственно, это и мог быть только несчастный случай! Никто не в силах такое предвидеть – хоть вы, хоть сам Гиппократ! – вновь вступает в разговор Ленчик.

Кажется, вдвоем мы ее все-таки немного успокоили.

– Действительно, история странная и неприятная, я вас понимаю – но мало ли что случается на подобных турнирах? Ну, упал человек неудачно, затылком ударился или еще чем... Разве что этот мой коллега-остеохондротик – тайный мастер какого-нибудь «Белого Журавля»! – пытаюсь я пошутить, но, похоже, не вовремя. – Впору садиться роман писать: тайное общество, прадедушка из провинции Хэбей, искусство «отсроченной смерти»...

– Роман не надо. – Ленчик оборачивается ко мне и слишком пристально на меня смотрит. – В другой раз. Зульфия Разимовна, мы с Димой еще обсудим ваш рассказ с Олегом Семеновичем.

новичем и перезвоним вам. Не волнуйтесь. А этот... журавль белый... Никакой он не мастер. Зульфия Разимовна, покажите ваш список.

Госпожа Иванова извлекает из кармана сложенный вчетверо листок и протягивает его мне. Разворачиваю. Ксерокопия. С очень даже приличной лазерной распечатки, на фирменном бланке клуба «Тайра», с непременно значком «*инь-ян*» в правом верхнем углу. Последняя фамилия действительно вписана от руки. Монахов Владимир Павлович. Сорок два года. Совпадение, наверное...

И тут до меня доходит.

Сорок два года, лысина, сутулые плечи, отвисающий живот...

Я медленно поднимаю взгляд на Зульфью Разимовну.

– У этого... Монахова – у него родинка есть? На лице, справа от носа?

– Есть, – уныло подтверждает Иванова.

Я оборачиваюсь к Ленчику и обнаруживаю, что он с интересом наблюдает за моей реакцией.

– Теперь понимаешь? – вкрадчиво интересуется Ленчик.

– Понимаю.

Вру я. Теперь-то я уж точно ни черта не понимаю!

Кроме одного: Харьков – большая деревня...

Закрывая за собой калитку, я глянул через плечо. Зульфия Разимовна, пригорюнясь, стояла на веранде, а у ног ее лежал матерущий доберманище. Кобель. Тоже небось прямо из воздуха объявился.

Уши собаки торчали двумя копейными остриями.

IV. Нопэрапон. Свеча вторая

Если, однако, в отроче двенадцати-тринадцати лет явлен замечательный талант, что он ни делай – все будет чудесно. Если мальчик и собой хорош, и голос его красив, да если он искусен, то откуда взяться дурному? Вот только цветок этот не является истинным цветком; он всего лишь цветок временный...

Дзэами Дабуцу. «Предание о цветке стиля»

1

Осторожнее, господа! Осторожнее! Ради ваших почтенных матушек, чтоб им ни... никогда... Да осторожнее же, дети собаки!

Маленький толстячок едва не плакал. Мало того, что собирать реквизит пришлось впопыхах, без должного тщания, даже не воскурив благовония перед изображением бодисатвы Фуген; мало того, что отъезд из Киото упал как снег на голову, так еще и носильщики попались – хуже горных чертей! Безрукие неумехи, которым только навозные кучи вилами перекидывать! Сундук легкий, скажете? Что здесь втроем таскать, скажете? Ну, вы и скажете! В сундуке-то парики, волосок к волоску, – и длинные, до пола, ярко-алые и желтые кудри «демонов», и самурайские, с пучком на макушке, и седые старческие... Все пересыпаны порошком из сухих листьев кустарника каги, от моли да плесени, все тщательно расчесаны частым гребешком, каждый дорог не деньгами – памятью, актерской славой!

– Осторожнее, господа!

Носильщики, подвязав рукава, вяло отбrehивались.

Утро на дворе, куда спешить? До полудня перетаскаем, набьем повозки барахлом сверху донизу, а не перетаскаем – завтра выедут. По рассветному холодку. Небось не вельможи, не гонцы правительственные, днем раньше, днем позже...

– Осторожнее! Не повредите барабанчики! Молодой господин, ну хоть вы скажите им! Молодой господин!

Мотоеси молчал, глядя мимо толстячка, едва сдерживавшего слезы. Суматоха сборов проходила мимо него, как измученные долгими скитаниями путники проходят мимо цветущей вишни. Нет! – мертвой, сухой вишни, годной лишь на топливо для костра. Ну почему?! За что?! Ведь еще вчера, еще совсем недавно... Будда Амида, покровитель страждущих, чем моя семья прогневила тебя?!

Копитесь, копитесь,
Невзгоды и беды мои!
Недолго осталось —
Все равно могильным бурьяном
Прорасти этой плоти тленной...

Взгляд юноши мимовольно, раз за разом, возвращался к чиновнику пятого ранга – вон там, у ворот. Да вон, видите! – шапка из прозрачного шелка, к плоской тулье прикреплены две ленты: одна торчит ястребиным крылом, другая волной ручья ниспадает на спину. Лицо чиновника было бесстрастно, напоминая маску старухи из спектакля «Гробница Комати», но где-то на самом дне припухших глазок плескалось удовлетворение. Сегун Есинори будет доволен. Сегун Есинори щедро одарит своего посланца, который задержался единственно для того,

чтобы все увидеть до конца и потом донести господину: его тайная воля, не высказанная до конца вслух, вершится.

Труппа Будды Лицедеев... о, простите, уважаемые: с недавних времен труппа Дзюро Мотомаса, старшего сына великого актера, покидала Киото.

Насовсем.

Об этом не говорилось, но много ли надо знающему, чтобы понять?

Намека достаточно.

При виде чиновника пальцы юноши сжимались в кулаки. Хотелось выплеснуть злобу, дать ненависти прорваться наружу, но отец строго-настрого запретил буянить. Принимать удары судьбы должно со спокойствием. Могучая сосна и под ливнем неколебима. Эх, поймать бы того грамотея, кто придумал сию мудрость, да за шиворот и наотмашь, по велеречивым устам...

Боги, за что караете?!

Опала ударила внезапно и оттого стократ больней.

Сразу по приезде с гастролей выяснилось: змея, как обычно, была пригрета на груди. Злокозненный Онъами, племянник и воспитанник Будды Лицедеев, в отсутствие знаменитого дяди и двоюродных братьев лисой втерся в доверие к новому сегуну – и мигом принялся наушничать. Ах, вы видели? – в пьесе «Киецунэ» наряд юного воителя, погибшего злой смертью, точь-в-точь парадные одеяния великого сегуна Есинори! Не мятеж ли?! Ах, вы слышали? – в пьесе «Таданори» странствующий монах с самого начала так прямо и заявляет: «Посетили мы „Южный дворец“ государей, лишенных престола...» Не смута ли? не злоумышление? не намек ли на взаимоотношения великого сегуна Есинори и самого государя императора?!

Нет, вы и впрямь не видели? не слышали?! может, оно и к лучшему?!

Итог происков не заставил себя ждать. Сначала был объявлен официальный запрет труппе устраивать спектакли в столице. Любые, вплоть до площадных фарсов и храмовых мистерий. Следующий удар последовал незамедлительно, лишив актеров времени для передышки в годину бедствий – не будучи мастером меча, наушник-племянник хорошо усвоил истину воителей: «Руби сплеча, подобно тому, как ливень хлещет по веткам!» Отнять у старого Дзэами титул Будды Лицедеев было никак нельзя, такие титулы не сегуном присуждаются, и не властям их отбирать; зато вполне можно было лишить мастера должности распорядителя столичных представлений.

Сказано – сделано.

Вернее, сказано Онъами-злопыхателем, а сделано сегуном Есинори, пятым властителем из клана Асикага. Собственно, чиновник затем и приехал: объявить о лишении некоего Мотомасы, сына Дзэами Дабуцу, права возглавлять организацию представлений в Киото.

Вот свиток с повелением.

Старый актер выслушал его в молчании и склонил голову. Лишенный официального звания, Мотомаса по-прежнему оставался главой труппы, как истинный наследник отцовского искусства, – именно поэтому труппа в спешке покидала негостеприимную столицу, из родной матери ставшую мачехой. Путь лежал на юг, в окрестности Оти. Тамошний дайме, давний поклонник Будды Лицедеев, еще раньше намекал о своем возможном покровительстве, даже в случае неудовольствия сегуна. Крепко княжеское слово, крепче стали его меча и доспехов его самураев. Ах, если б еще время не поджимало! – кто знает, что новенького взбредет в голову раздраженному сегуну...

Приходилось торопиться с отъездом. Спешить в беде – хуже некуда. Оттого и трудились в поте лица носильщики, оттого и суетился толстячок костюмер; оттого и хотелось юному Мотомасе сорвать злость на ком попало.

Бессмысленно.

Глупо.

Позорно даже!.. А хочется, аж скулы сводит.

– ...Молодой господин! Что ж вы-то не собираетесь?

Юноша очнулся.

– Смотрите: вернется ваш старший братец, браниться станет!

– Я не еду. – Мотоеси взглянул на толстячка и увидел: изумление весенним половодьем заливает розовое личико костюмера. – Я остаюсь в Киото, с отцом.

Толстячок мигнул, шмыгнул носом, похожим на спелую сливу.

– А-а-а... это конечно. Сыновний долг превыше всего! И то верно: мастер-наставник уже в летах, годы на плечах, как снег на иве... Вы оставайтесь, молодой господин, вы берегите отца-то, пуще жизни берегите, такие люди раз в тысячу лет рождаются! А мы денегат подзаработаем и вышлем, мы уж расстараясь, в лепешку разобьемся...

Он говорил что-то еще, шумно сморкаясь в цветной платок, но Мотоеси его не слушал.

Юноша знал: рядом с отцом его удерживает не только – и главное, не столько – сыновний долг. Отец молчаливо одобрил бы любой выбор младшего сына. Уехал бы – одобрил; остался бы – одобрил. Мотоеси было страшно признаться самому себе: он не нужен трупце. Он, бездарность, позор семьи, будет только обузой. На сцену его станут выпускать из милости, позволяя в антрактах пересказывать опоздавшим или тугим на ухо зрителям краткое содержание пьесы. Брат время от времени позволит себе изречь скупую похвалу, вкус которой горше полыни, а прочие актеры (да что там актеры – костюмеры! музыканты! служки!) станут понимающе переглядываться за спиной.

Брат брата не выдаст.

Из уважения к имени Будды Лицедеев, из уважения к славной семейной традиции...

– Что с вами, молодой господин?! Вы плачете?!

– Пыль, – хрипло отозвался Мотоеси, отворачиваясь от толстячка, от его обидного сочувствия. – Пыль... глаза ест...

К счастью, носильщики сейчас как раз выволакивали из кладовой сундук с одеждой, и костюмер мигом забыл о юноше, бросившись следить за погрузкой.

Юноша отошел в сторону и присел на скамеечку близ фонтана.

Маленького, даже можно сказать – крохотного фонтанчика: рыба, встав на хвост, плюется тоненькой струйкой.

Он, младший сын Будды Лицедеев, бесполезней этой рыбы. Она хоть прохладу дает. А он... отец, небось благодарить станет, обнимет, скажет: «Ты – моя опора в старости!» Отец все понимает. Кроме одного, о чем старому Дзэами не ведать во веки веков: после убийства *нопэрапон* юноша до одури, до тошноты боялся выхода на сцену. Сесть в «Зеркальной комнате», взять в руки маску, взглядеться в деревянный, лакированный лик, пытаться проникнуть в глубину образа, в святая святых придуманной личности, перед тем как сделать маску лицом и выйти к публике...

Не-е-ет!

Никогда.

В каждой маске Мотоеси виделся гладкий пузырь.

Безликое лицо.

Та страшная маска бывшей «Горной ведьмы», память о бойне на кладбище Касуга, которую юноша прятал ото всех на дне личного сундучка, под грудой хлама и старых кимоно.

Вот и сейчас: посмертная память о *нопэрапон* так отчетливо встала перед внутренним взором, что Мотоеси машинально зажмурился. Глупо, конечно, глупо и стыдно, но и впрямь померещилось: видение – это явь, истинная реальность; закрой глаза – и исчезнет. Нет, осталось. Глаза души нелегко закрыть, подобно глазам тела. Более того, жуткая скорлупа вдруг

пошла ветвистыми трещинами, вспучилась местами, размягчась куском воска, подогретым на огне свечи...

Что за блажь?

Сгинь! Пропади...

Не слышит... не хочет.

Нижний разлом оброс пухлой мякотью губ, почти сразу сложившихся в брезгливую полуулыбку, еще ниже выпятился костистый подбородок, нос с горбинкой навис над щеточкой усов – и под прорезьями– глазницами залегли мешки, щедро расцвеченные сизыми прожилками вен.

На юношу смотрела маска чиновника.

Чиновника пятого ранга, того самого, что явился с указом сегуна к опальным актерам.

– Кто... кто ты такой?!

Белые губы Мотоеси прошептали это беззвучно, одним намеком на вопрос, столь же бессмысленный для самого юноши, как и для любого, попытавшегося подслушать этот шепот.

Вместо ответа маска чиновника, в которую превратился призрак *нопэрапон*, надвинулась вплотную. Юноше показалось, что кожу лица охватила влажная прохлада – так перед тем, как надеть маску, лицо покрывают тонкой тканью, смоченной и потом тщательно отжатой. Прохлада мигом просочилась внутрь, в самое сердце, деревянные черты лжечиновника налипли Мотоеси на щеки, ресницы, переносицу, губы... легче пушинки, осенних паутинок, когда невесомые нити слюдой носятся в прозрачном воздухе.

Снова перед глазами (внутренними? внешними?!) проступило лицо чиновника – ложное? подлинное?!

Одновременно с этим отчаяние и горечь покинули душу Мотоеси. Совсем. Вместо них властно воцарилось презрение, презрение высшего к низшему, ловчего сокола к жирной утке. Ничтожество всегда остается ничтожеством, в какие бы яркие личины оно ни рядилось, и добродетель всегда, рано или поздно, бывает вознаграждена, а порок – наказан. Это закон. Это неизблемость, фундамент, который не расшатать мерзким людишкам, полагающим себя пупком великой Аматэрасу, а всех остальных – засохшим дерьмом на краю выгребной ямы. Истинный человек не дает своим чувствам прорываться наружу, на потребу зевак, но скрытое всегда становится явным, и внутри каждый сам себе – сегун и государь. Власть доставляет удовольствие, власть над собой, власть над другими, будь она выражена силой духа или указом сегуната...

Что?!

Юноша вскочил, снова сел, нервно комкая в пальцах край пояса. Странное состояние ушло, улетучилось рассветным маревом под лучами солнца, кожу лица теперь немилосердно жгло, словно Мотоеси обгорел под жаркими поцелуями светила. Юноша поднес руки к лицу, ощупал нос, уголки рта... гладко выбритую верхнюю губу...

В волнении он даже не обратил внимания, что чиновник пятого ранга уже несколько минут смотрит на него, и только на него.

Смотрит зло, раздраженно, не пытаясь скрыть своих чувств.

Чиновники так не смотрят на опальных актеришек; так смотрят равные на равных, перед тем как произнести оскорбление.

Нет, юноша этого не видел, и хорошо, что не видел.

Туча не громыхнула молнией.

Чиновник поправил шапку тем же нервным движением, каким Мотоеси секунду назад дергал свой пояс, и быстрым шагом направился к экипажу. Неподобающе быстрым шагом. Слуги и скороходы из свиты помогли ему подняться в плетеный, богато украшенный кузов на двух больших колесах; погонщик, встав у передка, хлестнул тяглового быка – и процессия тронулась.

Вообще-то быка полагалось распрячь по приезде, но кто мог знать, что чиновник решит задержаться, поглазеть на сборы?.. Думали – возвестит и уедет...

Боковые занавески на миг раздвинулись, из-за них высунулось лицо чиновника. Раздраженный взгляд нащупал стройного юношу у фонтана, полоснул по младшему сыну великого Дзэами наотмашь, будто острый клинок; и занавески вновь сошлись – одна даже порвалась от рывка.

Мотоеси смотрел вслед вестнику беды, часто-часто моргая.

Пыль... глаза ест...

Пыль.

Все – пыль.

Отчего-то казалось: не лицо уважаемого посланца сегуна скрывается за занавесками – маска прячется на дно сундука, тонет под ветошью и хламом, медленно превращаясь в прежний гладкий пузырь.

2

Монах явился позже, когда повозки с актерским скарбом уже выехали из ворот и вереницей потянулись прочь.

К воротам Бисямон.

Безумное Облако, как и в прошлый раз, был не один. Следом за приятелем, отстав на полшага, тащился слепой гадатель, уцепившись правой рукой за ножны старого знакомого – красного меча-дурилки, который по-прежнему лежал на плече монаха. В левой руке Раскидай-Бубен тащил мешок с гадательными принадлежностями; за спиной старика болталась цитра-тринадцатиструнка в чехле из потертой кожи.

Но и это еще не все: рядом с монахом и слепцом шел старший брат Мотомаса.

У самых ворот он обогнал попутчиков, коснувшись ладонью воротного столба, и торопливо вбежал в дом, к отцу, кивнув по дороге юноше.

Сам же Безумное Облако встал как раз посреди ворот, вскинул к небу свой меч, едва не снеся верхнюю балку, – кстати, нимало не заботясь, устоит при этом бедолага слепец или позорно шлепнется наземь, – и провозгласил во всеуслышанье:

Запреты блюда, ты – осел,
Ломая их – человек.
Правил ныне столь много,
Словно песчинок в Ганге!

«Это точно!» – еле сдержав смех, подумал Мотоеси. Хотя он знал, что если Безумному Облаку нет равных в нарушении запретов, то и в соблюдении ему тоже равных нет. Поговаривали, что второй учитель монаха, суровый Касо Содон, умерший в позапрошлом году, сперва приказал своим послушникам окатить Безумное Облако помоями и поколотить палками, а потом, все-таки открыв упряму врата обителя, глумливо сказал:

– У тебя гладкие и пухлые руки! Такими ли руками ломать себя?!

Той же зимой, когда суровый Касо оказался прикован к постели, будучи вынужден ходить под себя, Безумное Облако убирал за учителем прямо «гладкими и пухлыми руками», в отличие от других послушников не считая нужным пользоваться лопаточками.

Многие сомневались в правдивости или хотя бы в искренности такого поступка, зная дерзость и гордыню монаха, но сомневались в душе, молча, просто из дурной привычки сомневаться во всем.

Сейчас же, закончив тираду, Безумное Облако крутанулся волчком, вынудив взвихриться полы своих одеяний, и пошел напрямиком к юноше.

Слепой гадатель остался стоять у воротного столба, опустив к ногам мешок. Раскидай-Бубен смотрел прямо перед собой заросшими глазницами, подкидывая и ловя в ладонь какой-то маленький предмет. Оставалось лишь удивляться, почему он не роняет забавку, – но удивляться было некому.

– Остаешься с отцом? – осведомился монах, походя щелкнув юношу в нос.

Не обидно, но болезненно.

– Да, святой инок, – кивнул Мотоеси, во все глаза глядя на пришельца. И, признаться, было на что посмотреть. Сегодня Безумное Облако зачем-то напялил под рясу широченные штаны-юбку, какие входили в парадный костюм самурая; ряса была подпоясана женским поясом с бантом-бабочкой над поясницей, а на плечах монаха красовался драный плащ из дерюги, видимо, выброшенный старьевщиком на свалку.

– Нравится?

Монах еще раз крутанулся волчком, позволяя лицезреть себя во всей красе.

– Д-да... очень! Очень нравится! Восхитительно!

– А вот и врешь! Врешь и глазом не моргнешь! Небось когда твой папаша рядится в личину, так публика визжит от восторга, а как я обновку надену, так и морду воротят!.. Ладно, молчи уж, все лучше, чем глупостями язык полоскать.

«Это точно!» – еще раз согласился юноша про себя, тихо-тихо, чтобы ушлый инок не подслушал мысли.

С него станется.

Безумное Облако плюхнулся на скамейку, кинув меч в пыль, прямо к сандалиям-гэта на высоких подставках, и пальцем поманил юношу к себе.

Пришлось осторожно сесть рядом, на самый краешек.

– А я тебя вчера видел, Будда-младшенький! – Свистящий шепот монаха обжег Мотоеси ухо. – Ви-и-идел!.. на рынке. Ты маринованную дыню покупал, цельных пять кусков! Отвечай, злоумышленник: было?!

– Было, святой инок. Воистину было.

На какой-то краткий миг юноша и впрямь ощутил себя злоумышленником.

Три смертных преступления: мятеж, непочтительность к родителям и приобретение маринованной дыни.

– Ишь, зарделся! Святой инок все, все видит, у святого инока три глаза... А дыня-то по три медяка за кусок! Значит, за пять кусков... за пять здоровенных кусищ... отвечай немедля: сколько на круг выходит?

– Полтора десятка медяков, святой инок. Почти полная связка.

– То-то! – Мосластый палец монаха закачался перед самым лицом юноши. Ноготь на пальце был толстый и плоский, как у черепахи, да вдобавок еще и слоился. – Полтора десятка медяков! А ты сколько заплатил, душегубец?!

– Дюжину, святой инок.

Мелкие черты монаха сошлись в крысину, вытянутую мордочку. Встопорщилась редкая бороденка, а открытые ноздри под плоской, похожей на сломанную, переносицей затрепетали от предвкушения.

– Дюжину! Сторговался, значит! самого Зеленщика Тамэя переторговал!

Мотоеси снова кивнул. О вчерашней торговле с Зеленщиком Тамэем он уже успел забыть – ее вытеснили события новые, гораздо более важные и гораздо менее счастливые. Но вчера, на рынке, он удивлялся самому себе: откуда и прить взялась?! Едва Зеленщик принялся нахваливать товар, норовя выудить у простака лишнюю монетку, как в Мотоеси ответно вспыхнула неистовая жажда барыша. Хоть какого, но барыша! Юноша приводил тысячи доводов, почему этой дыне место скорее в отбросах, нежели в котомке честного человека, он торговался до хрипоты, на каждый довод Зеленщика Тамэя отвечая своим контрдоводом, призывая в свидетели Канон-Тысячеручицу, всех будд прошлого-будущего и любого из рыночных зевак... да, много воды утекло, прежде чем продавец и покупатель ударили по рукам.

Зеленщик Тамэй еще долго провожал его взглядом, восхищенно крутя головой, и было в его взгляде что-то такое... Сейчас Мотоеси казалось, что взгляд торговца был донельзя похож на прощальный взгляд чиновника из окна экипажа.

Странно: вспомнил о торговце, и вдруг примерещилось – вчерашний день, личный сундучок в углу, хлам, и на самом дне сундучка деревянная маска топит в самой себе лицо жадного Зеленщика, застывая прежним, безликим пузырем.

Голову напекло, что ли?

– Мотоеси!

Кричал старший брат. Он стоял на крыльце, держа в руках тщательно перевязанный свиток.

– Простите, святой инок. – Юноша очнулся, с радостью видя возможность избежать дурацкой беседы, и кинулся к брату.

Слома голову.

– Я иду к Идзаса-сэнсею, – сказал Мотомаса, показывая юноше свиток. – Попрощаться. И передать подарок: текст «Горной ведьмы» с комментариями, собственноручно переписанный отцом. Ты идешь со мной. Нам надо договориться о твоём дальнейшем посещении занятий. Раз уж ты остаешься...

Идзаса-сэнсей был учителем меча и основателем школы Тэнсин-рю, что означало «Школа Небесной души». Указ позапрошлого сегуна – о славные, дивные времена удачи! – приравнивающий актеров к торговому сословию и позволяющий им учиться фехтованию у прославленных мастеров (естественно, с согласия последних), пока еще не был отменен. Впрочем, юноша полагал, что отмена не заставит себя ждать – по меньшей мере в отношении семьи Будды Лицедеев. Про себя он твердо решил прекратить занятия, дабы не длить бессмыслицу и заодно не ставить под удар Идзаса-сэнсея; но если старший брат настаивает...

Хотя вряд ли сам мастер меча оставит у себя ученика, на ком почил гнев всемогущего сегуна да еще и столь бездарного ученика, как Мотоеси.

Юноша поклонился брату, пряча взгляд.

Он не видел, что слепой гадатель все подбрасывает и ловит, подбрасывает и ловит персиковую косточку с вырезанными на ней тремя знаками судьбы... подбрасывает, ловит, снова подбрасывает...

Все время выпадало одно и то же.

Неизбежность.

3

– Х-ха!

Идзаса-сэнсей поморщился. С таким выдохом только дрова рубить... Нет! – с таким кряканьем, когда воздух теснится в глотке, подобно толпе в воротах рынка, едва объявят распродажу подержанных сандалий! И то, умелый дровосек...

Мастер вздохнул.

Он знал, что несправедлив к ученику, и знал, что это один из лучших учеников. Правильный «кэнсей», «крик души», родится у этого парня, отягощенного лишней силой, не раньше чем через год... полтора года. Но ведь хочется, ах как хочется, чтобы сегодня, чтобы сейчас!

Мастер вздохнул еще раз.

Он был вовсе не стар, Идзаса-сэнсей, он даже пожилым-то был весьма относительно. Тридцать восемь лет – не возраст. Страсти обуревают, страсти, порывы и метания, а ведь если сказать об этом ученикам... не поверят. Удивятся. Их невозмутимый мастер – и страсти? О чем вы, почтенные?! Легче свести воедино западный рай и преисподнюю князя Эмма...

Ученики вообще недоверчивы. Особенно лучшие. И уж вовсе никогда не поверить им: настоящий учитель всегда чувствует себя самозванцем, занявшим место другого – более сведущего, более мудрого, более... того, каким бы хотелось быть. Учитель, ощутивший себя учителем, должен бросать все и уходить в горы, становиться отшельником, никогда не посягая на чужую душу. Жаль, ученикам этого не понять, ученики на то и ученики, чтобы мечтать стать учителями.

– Х-хай!

А вот это уже лучше. Можно сказать, вполне прилично. Очень похожим двойным ударом – вскользь по чужому клинку, нырок, сперва запястье, а там и шея – Идзаса-сэнсей в свое время сразил в поединке Длиннорукого Такакуру. Тогда еще никто не звал мастера сэнсеем, да и мастером-то... а все-таки короткий клинок вполне способен противостоять длинному. Особенно если и бой так же короток и ослепителен, как малый меч.

Именно после этого поединка на равнине Миягино двадцатилетний Идзаса сочинил пятистишие:

– За шторами мастерства
Сокрыт безмятежный дух.
Раздери шторы,
Гляди —
Вливается лунный свет.

Он встал с циновки и подошел к перилам веранды.

Маленький, рано облысевший, похожий на краба человек.

– Ноги! – сорванным голосом крикнул Идзаса-сэнсей. – Приседай, приседай – и вперед! Внизу, на аллее, посыпанной белым песком, вновь сошлись два меча – большой и малый.

Сегодня занятий не было, но основатель школы «Небесная душа» и по выходным дням приглашал к себе на дом тех, кому иногда доверял провести часть общего занятия, руководя прочими.

– Ноги, говорю!

Плечистый здоровяк присел и со всей стремительностью бросился вперед, добросовестно выполняя указание наставника. Наверное, сейчас он заслуживал похвалы или дополнительного совета не суетиться. Наверное и даже наверняка. Но Идзаса-сэнсей уже не смотрел на ученика. Он смотрел через весь сад на двоих гостей, что в сопровождении слуги шли к веранде дома

– мимо глициний, мимо крутобоких, поросших мохом валунов, мимо ручейков, умело устроенных садовником...

Актеры.

Сыновья Будды Лицедеев: старший, Мотомаса Дзюро, почти одних лет с самим мастером, и младший... как бишь его?... а, Мотоеси.

Идзаса-сэнсей вечно забывал имена тех, кто ничем не выделялся во время занятий.

Мастер махнул рукой ученикам (продолжайте, продолжайте без меня!), отошел от резных перил и встал на ступеньках.

Его поклон был гораздо короче и существенно менее глубок, нежели поклоны новопривыбывших.

Традиция.

– ...не знаю, право, как и благодарить вас! Дар, достойный императора! Молю вас, задержитесь, выпейте со мной по чарке перед отъездом!

Юный Мотоеси видел: мастер меча ничуть не лицемерит. Благодарит от всего сердца. И то сказать: свиток со знаменитой пьесой отца, переписанной собственноручно сочинителем, да еще в придачу с авторскими комментариями на полях... За такой свиток иной дайме, из знатных покровителей искусства, годового жалованья риса не пожалеет.

Мысль пришла и ушла, оставив легкий налет вульгарности.

При чем тут рис? – отцовские свитки бесценны...

– Простите, наставник, но мы вынуждены отказаться. – Старший брат еще раз низко поклонился. – Верьте, мы скорбим, уходя! Пожалуй, в следующий раз, когда я вернусь в столицу...

Он запнулся, успокоил дыхание и твердо поправился:

– Если я вернусь в столицу. Тогда вы будете первым, к кому я зайду выразить свое неподдельное уважение.

– Да, да, конечно, – понимающе закивал Идзаса-сэнсей, сверкая лысиной на солнце. – Мирские почести, – мастер многозначительно понизил голос, – равно как опала и покровительство, преходящи! Один талант вечен, и указами его не отобрать. Я понимаю... А ваш младший брат – он ведь остается в городе? Я вас правильно понял, Мотомаса-сан?

Наставник «Небесной души» во время частных разговоров всегда прибавлял к имени Мотомасы уважительную приставку «сан», несмотря на разницу в происхождении.

На занятиях он этого не делал.

Мотоеси шагнул вперед.

– Я... – Юноша понимал, что нарушает приличия, самовольно вмешиваясь в беседу старших, мешая брату ответить на вопрос наставника, и поэтому торопливо поклонился. – Сэнсей, умоляю, поймите меня правильно! Я...

Левая бровь Идзасы-сэнсея поползла вверх.

– Я слушаю, – очень тихо сказал мастер меча.

Как клинок из ножен вынул.

– Я больше не имею возможности посещать ваши занятия! – единым духом выпалил юноша и чуть не зажмурился от страха: таким острым вдруг стал рассеянный взгляд наставника.

– Ты решил сменить учителя?

– Что вы!.. что вы... никогда! Лучшего учителя, чем вы, не найти, даже если пройти пешком от мыса Амагасаки до горы Хиэй! Просто... просто...

– Я слушаю, – повторил Идзаса-сэнсей.

Юноша все-таки зажмурился.

Говорить так было легче, но не очень.

– Я... я – бездарный ученик! Я – позор своего наставника! И кроме того... ну, вы понимаете, учитель!.. сегун подверг опале наше семейство, и теперь...

– И теперь ты боишься навлечь на меня гнев сегуна Есинори?

Идзаса-сэнсей сейчас думал быстро. Многие не понимали, что медлительность этого человека во всех делах житейских способна перерасти в стремительность атакующей змеи без перехода, сразу, едва события переходили определенную, видимую только мастером черту. Многие не понимали, за что и поплатились; но сейчас речь не об этом.

Юнец прав – сегун злопамятен.

Юнец прав.

Но согласиться с его правотой – вот истинный позор.

Даже если этот позор родствен безопасности.

Улыбка растянула тонкие, бескровные губы маленького человека, похожего на краба; и при виде этой улыбки Мотоеси затрепетал с головы до пят.

– Наставник... наставник! Я готов принять любую кару за...

– Молчи и слушай. Только мне дозволено решать, кто из моих учеников талантлив, а кто бездарен. Только я принимаю решение: оставить или выгнать. Решая это сам, ты оскорбил меня. Но оскорбил по недомыслию, из лучших побуждений, и поэтому достоин прощения. Сейчас мы спустимся вниз, и я уделю тебе несколько минут своего времени. После чего приму окончательное решение: стану ли я учить тебя дальше или выгоню прочь. Ученик не выбирает, ученик отдает себя в знающие руки; бремя учителя – бремя выбора. И запомни: гнев или ласка сегуна Есинори здесь абсолютно ни при чем. На Пути Меча все равны.

Идзаса-сэнсей покосился на тех двоих, что совсем недавно рубились на песке аллеи, а сейчас стояли внизу бок о бок, у обвитой плющом беседки, с отрешенными лицами.

Услышали ли?

Запомнили?

Да, услышали и запомнили.

– Идем.

И, не дожидаясь, пока юноша последует за ним, Идзаса-сэнсей спустился по ступенькам.

Короткий жест – один из старших учеников кланяется и сломя голову убегает, чтобы минутой-другой позже принести из оружейного зала два деревянных *боккэна*. Мастер меча терпеть не мог этих новомодных ухищрений: на его занятиях использовались только стальные клинки, пусть и не работы оружейников древности, но все-таки стальные, заточенные, способные причинить увечье. И бамбуковые доспехи вкуче со шлемом он тоже не признавал, приносящая учеников заниматься в обыкновенной, повседневной одежде.

Когда он говорил другим наставникам, что так гораздо меньше пострадавших и гораздо больше постигнувших – он был прав.

Но верили ему не все.

Впрочем, сейчас можно было позволить себе взять в руки боккэн из твердой древесины. Не ради себя, а ради этого юного глупца, способного причинить собственному телу бед во сто крат больше, чем это сделает кто-либо другой, и в первую очередь он, Идзаса-сэнсей.

Рукоять, обтянутая вывороткой, сама ткнулась в ладонь.

Маленький, похожий на краба человек поднял деревянный меч над головой и застыл в ожидании.

4

Все вышло неправильно.

Совсем неправильно.

Нет, поначалу события не отклонялись от задуманного Идзаса-сэнсеем сценария. Мы, конечно, не великий Дзэами, пьес не пишем и не ставим, но некоторые сценарии и нам подвластны. Вон юнец робко берет поданный ему боккэн, спускается вниз, на песок... встает напротив.

Через секунду этому... как его?.. Мотоеси становится неуютно, он облизывает губы и зачем-то переносит вес на заднюю ногу. Ему, наверное, кажется, что так гораздо безопаснее, дальше от мастера и, значит, лучше; ему так кажется, и он не прав.

Пусть.

Пусть его.

А вот и боккэн косо смещается к правому плечу – еще одна глупость.

Простим и это, хотя в бою это смерть.

Разрубленная подмышка.

Впрочем, юнец не самурай, юнец – актер, для него смерть – это занавес и преддверие следующего спектакля.

Как и для нас всех, только спектакли разные.

Идзаса-сэнсей мог позволить себе думать о постороннем. Сейчас – мог. Он и так уже заранее решил: юнец останется у него в школе, независимо от итога испытания. Талантлив он или бездарен (второе – скорее), не имеет никакого значения. Даже если сам юноша станет упираться – заставим. И никто не сможет после этого сказать, что основатель школы «Небесная душа» способен бросить в беде своих учеников, даже рискуя навлечь на себя гнев властей.

Это хорошо.

Это честь.

Улыбка еще кривила тонкие губы прославленного фехтовальщика, безбрежная уверенность в своих силах еще заполняла до краев его сердце, но опыт вдруг напомнил о себе тонким шилом беспокойства.

Посторонние мысли вспугнутым вороньем взвились в воздух и закаркали, кружась над равниной души.

Юноша напротив сделал первый шаг, и Идзаса-сэнсей без видимой причины остро почувствовал: его собственная позиция уязвима. Ибо шаг Мотоеси был преисполнен гордого, воистину мастерского спокойствия. Да, проскальзывая по песку, ступня чуть-чуть запаздывала укрепиться, пустить корни – но это поправимо. Это легко поправимо. Это...

Тело Идзаса-сэнсея думало само.

Боккэн опустился перед грудью, и краб попятился назад, угрожающе растопырив клешни.

Мотоеси и не подумал остановиться. Рискованно, очень рискованно он двинулся наискосок, сокращая разрыв, неумело изменяя положение деревянного клинка у плеча, – но умение или неумение юноши сейчас меньше всего интересовали мастера. Рассудок подсказывал Идзаса-сэнсею ринуться вперед, в отчетливо видимую паузу, и вышибить оружие из рук ученика; рассудок подсказывал, и был совершенно прав, но чутье фехтовальщика говорило совсем иное.

Мотоеси излучал такое непоколебимое достоинство, такой преисполненный бесстрастности дух, что бросаться на него казалось лишь способом покончить с собой, одним из многих. На миг мастеру даже почудилось: он смотрит в зеркало, в тайное зеркало, отражающее не

поверхность, а глубину; он смотрит и видит за неуклюжестью и отсутствием опыта – самого себя.

Бойца, обожженного сотней схваток.

Наставника, чьи заслуги бесспорны.

Идею «*ай-нукэ*» во плоти, идею растворения в судьбе, ибо врага убивает не меч мастера, а его собственное упрямство; зато, бросив вызов более сильному, ты не погибаешь, а и впрямь совершаешь самоубийство.

Идзаса-сэнсей смотрел в зеркало и видел то, что зачастую не видно другим, – себя.

За шторами мастерства
Сокрыт безмятежный дух.
Раздери шторы,
Гляди —
Вливается лунный свет.

5

...когда боккэн вылетел из вспотевших ладоней Мотоеси, а деревянный клинок учителя огрел сына великого Дзэами по хребту, юноша перевел дух едва ли не с облегчением.

Так и должно было быть.

Мастер всегда говорил: смерти подобно отвлечься во время поединка. Мастер всегда прав. А он, глупый Мотоеси, едва ли согласился бы признаться вслух: он сейчас отвлекся. Он видел глупости: проклятая маска *нопэрапон*, воск, подогретый на пламени свечи, и гладкая поверхность мнется, превращаясь в лицо Идзаса-сэнсея, лицо воина, не знающего поражений, – вот маска надвигается, липнет на лицо, просачивается внутрь...

– Завтра в час Обезьяны, – еле слышно сказал Идзаса-сэнсей, стоя к юноше вплотную. – И если ты опоздаешь к началу занятия, я заставлю тебя заново отполировать все мечи языком! Понял?! Завтра в час Обезьяны, даже если все боги и демоны встанут у тебя на дороге!

Мотоеси еле смог заставить себя кивнуть.

Ну конечно, не будь он сыном Будды Лицедеев и не желай Идзаса-сэнсей прилюдно продемонстрировать свою независимость...

6

Боккэн валялся в кустах, и на нем уже примостилась рябая пичуга.

V. По образу и подобию. Олег

Не верю!!! Монах человека убил? Чушь собачья!

– Олежа, не лезь в бутылку! Тоже мне Станиславский: верю, не верю! Что делать будем?

Когда Ленчик превращает меня из Семеныча в Олежу, сразу ясно: разговор пошел серьезный.

Я прошелся по комнате хромым бесом, вертя в руках чайную ложку. Всегда предпочитал размышлять таким образом: на ходу и играясь какой-нибудь чепухой. С детства. Нет, но каков фортель: великий мастер «языкоприкладства» Володька Монах в полкасанья грохнул любимого ученика этого... как бишь его?... впрочем, наплевать. Только выяснений нам сейчас не хватало!

Месяц назад мы потеряли зал. Школьный зал, где свободно становилось до сорока человек; нагретое лет за семь местечко, в пяти минутах ходьбы от метро – тише не бывает. Дурак директор без видимых причин поссорился с арендаторами флигеля, и через три дня к нему явился клиент на аренду подвала под склад. Сто баксов в месяц предложил. «Много, – застеснялся наш душка. – Давайте пятьдесят. На ремонт школы...» Клиент дал, хозяин взял, а через секунду в кабинете было не прордохнуть от понятых и видеокамер.

Портрет штатовского президента, столь любимого трудовым народом моей родины, наконец пересекала проявившаяся в ультрафиолете надпись: «ВЗЯТКА».

Завели дело, а для профилактики принялись трясти кружки и секции (начали, на наше счастье, с садоводов и макраме): что давали, когда давали и платите ли положенное родной державе?

Садоводы, проявив завидное проворство, исчезли первыми, мы – вторыми.

Найдя убежище в подвале одного из младших инструкторов, где он возился с первым годом обучения. Весна идет, весне дорогу, месяц – и мы в лесу; а к сентябрю сориентируемся.

Нам державе оброк платить несподручно, мы и школьный-то зал на надрыве тянули...

И вот – шальная выходка Монаха, в которую я не верю до сих пор. Да, он ушел от нас с полгода тому назад; да, наша хата с краю и ниже уровня земли; да, мы тут совершенно ни при чем, но если начнут шерстить – мало не покажется. Любят у нас это дело – шерстить.

Прав Ленчик: надо разбираться.

– Ты ему позвони, – встрял Димыч. – Я у старосты телефон взял. Позвони и скажи...

Димыч осекся, прекрасно понимая: я и сам знаю, что надо бы сказать беглому Монаху, вот только делать это мне аж никак не хочется.

Но придется.

Долго было занято.

– Да? – наконец спросил женский голос. – Да, я слушаю!

– Э-э-э... Володю можно?

– А кто его спрашивает?

– Скажите, Олег звонит.

– Какой Олег?

Вот ведь пристала, цербер!

– Володя знает.

– Вова! – громыхнуло в трубке так, что я едва не оглох. – Вовка, тебя какой-то Олег спрашивает. Подойдешь?

Мне пришлось ждать еще минуты три-четыре, прежде чем женский голос в трубке сменился мужским.

Хриплым, будто мороженого объелся или с перепоею.

– Монахов у телефона.

Ишь ты!

– Привет, Володя. Это я. – Слава богу, не стал выяснять: «Кто „я“?! – Слушай, я тут газету читал...

Неприятный смех. Трубка смеется долго, очень долго, и я ловлю себя на желании послать все к эбеновой маме и закончить этот паскудный разговор.

– Грамотный? – отсмеявшись, интересуется трубка. – Прессу полистываешь? Дергаешься небось: а вдруг твоих криворуков зацепит?

Я молчу.

Я всегда молчу перед тем, как учинить выходку, о которой после буду шумно сожалеть.

Ленчик когда-то, изучая мой гороскоп, сообщил, будто в прошлой жизни я был «судьей неправедным», скорым на опрометчивые поступки.

Пожалуй, он прав.

– Ты не дергайся, сэнсей, – рокошет в трубке. – Ты спи спокойно: я о вас – ни словечка. Не знаю, не ведаю, в глаза не видел. Ты только вот о чем подумай, сэнсей, ты крепко подумай: двенадцать лет жизни – коту под хвост! А, сэнсей? Что скажешь?! У тебя ведь не двенадцать, у тебя поболее будет... Не жалко?

И гудки.

Короткие, наглые.

– Ну что? – спрашивает Димыч.

«Олежа, как?» – сквозит во взгляде Ленчика.

Я молчу.

Никогда, никогда раньше Монах не разговаривал со мной в подобном тоне!

– Все нормально, – отвечаю я. – Он про нас забыл и забил. Все нормально, мужики...

И только тут замечаю, что кручу в пальцах чайную ложку, как крутят нож перед обманым ударом.

* * *

Май наконец-то вспомнил, кто самый радостный в году, и плеснул в глаза солнышком.

От Дубравы мы с Димычем сразу свернули к выводку турников, свежепокрашенных каким-то доброхотом, а оттуда взяли напрямик. Делать так было опрометчиво. Здешние лесопосадки испокон веку обладали норовом незабвенного ляхофоба Сусанина – стоило покинуть торные пути, как дорога вместо сокращения удлинилась раза в три. Год за годом мы топаем здесь, под каждым кустом если не стол и дом, то уж шашлык бывал наверняка – а вот надо же! Не иначе, леший шалит. Оставалось лишь угрюмо бормотать под нос: *«И с тех пор все тянутся передо мной глухие кривые окольные тропы...»* Ну и плевать. Пусть их тянутся. До занятия еще час с лишним, времени навалом.

Мы, собственно, специально приехали ни свет ни заря, желая самолично осмотреть родную полянку после зимних невзгод.

И прикинуть возможный объем работ по благоустройству.

Наверное, со стороны это выглядело потешно: двое упитанных мужчин в самом расцвете сил подпрыгивают на ходу, елозят подошвами кроссовок по особо мокрым участкам, иногда останавливаются и раскорячиваются жабами перед дождем, задумчиво перенося вес то на одну, то на другую ногу... Чем славна Дубрава – со стороны пялиться некому. Тишь да гладь. И можно без глупых комментариев выяснить, что по такой погоде делать можно, что можно, но стремно, а с чем стоит погодить до более сухих времен.

Мы перебрались сюда лет десять тому назад, из Лесопарка, главного обиталища окрестных «каратюков». С мая месяца (если не раньше!) Лесопарк разом превращался в коммунальную квартиру, где за каждый квадратный метр чуть ли не война начиналась. Иду на «вы!» – и

таки иду, можете быть спокойны! Рукомашество с дрыгоножеством высывались из-за каждой елки-палки, любое относительно ровное пространство шло нарасхват; временами приходилось стоять в очереди... Нет худа без добра: ветераны приучились делать свое дело даже под шрапнелью язвительных взглядов и реплик знатоков. В наше время все знатоки, особенно насчет посмотреть. Хуже дело обстояло с зараженными бациллой орлизма – они топорщили перышки и назойливо щелкали клювом в смысле «поработать».

Ну, козлы, выходите – я, блин, седьмой месяц грушу околачиваю, пора душу молодецкую потешить!

Иногда нервы не выдерживали, в чем после приходилось раскаиваться. Знать, не до конца стал подобен сердцем стылому пеплу и сухому дереву... у-у, лицемер!

Сейчас, на мое счастье, мода на рукоделие прошла, и даже в летнем Лесопарке можно без проблем сыскать тихое местечко. Можно, но не нужно. Привыкли. Обжили Дубравушку. А мода... Бог с ней, с модой. Просто иногда, осенними вечерами, вспоминаются старые времена. Когда нас споро оцепляли дружинники и краснорожий лейтенантище страшал злоумышленников козьей мордой правосудия. Когда любой пацан, завидев нас (или не нас) издали, неся навстречу с истошным воплем: «Дяденьки, к вам записаться можно?!» Когда в целях конспирации приходилось надевать дурацкие гетры, ставить на окнах зала затемнение, а в углу на матах дремал до поры кассетный магнитофончик, заряженный попсой, – во время налетов нам трижды удавалось сойти за «аэробика». Ржали потом до истерики... А за фотокопию какой-нибудь засаленной «Годзю-рю карате-до», только за наличие сверху грозного имени тигр-убийцы Гохэна Ямагучи, отдавалась трехмесячная стипендия! Сейчас бы небось поскряжничал, поскрипел бы – дешевле найду, а и не найду, так обойдусь! И жена-умница, помню, помалкивала, когда я, сволочь окаянная, оставлял ее дома с больной дочкой, пропадая днями все в том же Лесопарке, возвращаясь никакой...

– Пьет много, – шептались за спиной сердобольные соседки. – Ишь, ноги не несут!.. А с виду приличный, в очках...

Ноги и впрямь не несли.

– ...что?!

– Смотри, – зловещим шепотом повторил Димыч и для верности ткнул меня локтем в бок.

Больно ткнул, подлец, с усердием.

– Куда смотри?!

– Да тише ты!.. Видишь, за шиповником? Монах...

Я поправил очки и пригляделся. Вон тополь, чей пух вскоре начнет терроризировать всех и вся; вон и впрямь заросли шиповника, а вон, в просвете, руки-ноги мельтешат.

– Ты сюда стань. – Димыч осторожно смещался влево. – Отсюда лучше...

Действительно, лучше. И отчетливо виден Монах на пленэре. Рядом с долговязой девицей из породы орловских рысаков. Или – рысачих. Занимаются, надо полагать. Без правил, или чем там Володька сейчас балуется? Ага, друг дружку пинать стали. Точнее, попинывать. Издали, для пущей безопасности. Позорище. Глаза б мои не глядели... Разогнать бы их сейчас по углам, да опустить в старую добрую стоечку, да минуток на пять, чтоб коленки задрожали! Оно, когда дрожь в коленках, ума сильно прибавляет. А когда пяточкой сам себя по гениталиям от большой спешки выйти в мастера... Помню, я одного айкидошника разочаровал, назойливого, как уличный проповедник-мормон или там адвентист седьмого дня. Он мне про гармонию, про любовь мировую и про меня-злыдня на закуску, а я ему про то, что дедушка Уешиба, Осэнсей великий (без шуток, всерьез!), о любви лишь на старости лет заговорил, когда копьем и мечом положенное отмахал. Как и все великие. А попервах у своего учителя, знаменитого Такэда Сокаку по прозвищу Последний Самурай, который и после частичного паралича пятым

данам шею мылил... Полы у него драил дедушка. За каждый жест платил учителю, хоть и был бедней церковной, то бишь храмовой, мыши. Правильно делал, умница...

Зато когда Последнего Самурая на восемьдесят третьем году жизни паралич таки разбил, то именно дедушка Уешиба при еще живом наставнике официально сменил название школы с Айки-будо на Айки-до. Чем изрядно потоптался по японским традициям. И быть бы дедушке битым четырьмя «внутренними учениками» Такэды, когда б не дипломатический талант самого Уешибы и однозначный запрет ожившего Последнего Самурая на вынос сора из избы... простите, из додзе.

Пожалуй, символично, что оба они, учитель и ученик, Последний Самурай и О-сэнсей, умерли в одном возрасте и практически в один день; только ученик отстал от учителя на двадцать шесть лет.

Не поверил айкидошник. Опять про любовь завел. Про отсутствие духа соперничества. А когда я ему сообщил, что в старых школах карате, того самого злобного карате, от которого у айкидошника скулы сворачивает, про так называемый «свободный спарринг» и слыхом не слыхивали аж до конца первой четверти XX века...

Опять не поверил.

Бросил метать бисер передо мной свиной.

Ушел, смеясь.

А я смотрел ему вслед, понимая, что в полный стакан не наливают, и думал: прав ты, дурачок, и про любовь прав, и про гармонию... Только рано начал. И вслух. Оно когда про любовь вслух и чересчур, без спросу хватая за грудки и вкручивая любой ценой, – сомнения великие берут.

Любовь – штука тихая.

А ты, брат, не Купидон, чтобы с этой любовью, да ко всякому-каждому, да в мегафон, да на всех перекрестках...

– ...ты чего, заснул?

– Пошли отсюда, Димыч. Что мы с тобой, Монаха не видели? Знаешь песню: «Каким ты был, таким ты и остался, орел степной...»?

Димыч недовольно засопел и стал копать в бороде. У меня борода короткая, огладишь, вот и весь кайф, а у него – другое дело.

Есть где развернуться.

– Монах американца грохнул, – буркнул он невпопад, словно желая мне напомнить. – Мало ли... может, подойдем?

Не стал я объяснять, что после телефонного разговора мне меньше всего хочется подходить к Монахову Владимир свет Палычу.

Зачем?!

Чтобы опять услышать смех и хриплое:

– Ты только вот о чем подумай, сэнсей, ты крепко подумай: двенадцать лет жизни – коту под хвост! А, сэнсей? Что скажешь?!.

Ничего не скажу, Володька.

Промолчу.

Пинай свою девицу всласть.

...Димыч шел за мной, немзыкально мурлыча под нос.

Дмитрий

Сегодня я устал основательно. Олег – видимо, одурев от свежего воздуха после духоты подвала, – загонял всех до смерти, отчего сразу вспомнился давний случай. Когда меня, после трех дней на ногах и трех бессонных ночей на одном загородном сборище, вытащили под вечер последнего дня крутить показуху. Народ алкал зрелищ (ибо хлеб и тушенка уже были съедены, а водка выпита). Я еле ноги волочил, даром что трезвый, а тут ко мне подбегает приятель и взащей гонит выступать. Ну, показуху-то мы отработали нормально, откуда только силы взяли! – а потом все закончилось, вышел я из круга, смотрю: на дороге бревно лежит. Не очень даже большое. Мне б переступить, да нога не поднимается! Минутой раньше брыкался вовсю – а тут бревно перешагнуть не могу! С третьего раза удалось, и то чуть не упал...

Нет, сейчас, конечно, мне бревно не преграда; но состояние похожее. И предплечья ноют – опять отбил об Тролля. Завтра в калейдоскоп играть буду: сперва посинею, затем пожелтею. Кр-расота! Вот сейчас еще выйдем к остановке, возьмем по бутылке пива, сами себя осудим за потакание низменным страстям...

– Пивка возьмем? – Олег поравнялся со мной.

Смотри-ка, хромать начал! Вспомнил... ладно, шучу.

– Это только у дураков мысли сходятся или у соавторов – тоже? – ухмыляюсь я.

– Оно, конечно, пиво после тренировки...

– Нехорошо, – заканчиваю я мудрую мысль.

– Но если душа просит, а на дворе воскресенье, то уже...

– Гораздо лучше, – заканчиваю я вторую мудрую мысль.

– И всего по одной...

– «Монастырского темного». – Третья мысль мне кажется гораздо мудрее предыдущих.

– Или «Княже». Если будет.

– Угу.

Одно время я предпочитал «Гессер», да и сейчас его люблю, в отличие от популярного в иных кругах «Гиннеса». Но в последние полгода наш Роганский завод стал варить пиво ничуть не хуже, и к тому же – вдвое дешевле.

Патриот я или где?!

Группа растянулась по просеке двумя муравьиными цепочками: посередине до сих пор блестяли лужи, и все старались идти по обочине.

У остановки народ, прощаясь, стал расползаться в разные стороны – кто на троллейбус, кто на автобус, а кто и вообще рядом живет. К нам с Олегом пристроился Ленчик, однако пива брать не стал – купил бутылку минералки.

Троллейбусов долго не было, но мы никуда не спешили: болтая о пустяках, опустошили бутылки, сдали их терпеливым бабушкам-мешочницам, а потом я достал сигарету.

– Ну что, включаем ускоритель?

– Включай.

Я закурил. Минздрав предупреждает: это называется «умелое использование закона подлости в корыстных целях». Ведь общеизвестно, что, стоит тебе закурить, – мигом появится долгожданный транспорт. И точно! Не успел я сделать и пяти затяжек, как к остановке подкатил рогатый. (Помню, кто-то шутил: дескать, слово «троллейбус» произошло от слова «тролль», которое в переводе на русский означает «черт с рогами».)

Двери распахнулись, троллейбус изверг наружу часть плохо переваренного содержимого и вознамерился было поскорее удрать – но мы втроем успели-таки втиснуться внутрь, угодив в привычный живой пресс.

Через пару остановок полегчало, а Олег вдруг тронул меня за плечо и указал подбородком в сторону передней двери. Вначале я не понял, но почти сразу машину тряхнуло, и я увидел у кабины водителя знакомую лысину в обрамлении редкой седеющей поросли.

Монах.

А рядом, кажется, та самая длинномерная девица с поляны; хотя со спины толком не разобрать.

– Тебе еще хочется подойти? А, Димыч?

– Ну...

В общем-то Олег прав: говорить с Монахом особо не о чем. «Привет – привет». Ну, еще пару фраз. И все равно мы стали пробираться к передней двери.

Троллейбус подходил к очередной остановке, когда Монаха качнуло, крутанув волчком. Первым он увидел Олега, да и нас с Ленчиком наверняка заметил.

– Привет, Володя! – Олег махнул ему рукой.

Однако вместо ответного приветствия Монах резко отвернулся, шепнул что-то на ухо своей дылде (для этого ему пришлось привстать на цыпочки) – и оба они спешно начали толкаться, выкрикивая:

– Вы сейчас выходите? А вы?!

Впору затылок почесать. Куда это он ломанулся?

– Володь, да подожди ты! На пару слов...

Монах даже не обернулся. Вместо этого он неуклюже пнул в бок толстую бабу, вставшую со своей кошелкой в проходе, словно триста спартанцев в Фермопилах. И грянул классический троллейбусный скандал! Баба попалась горластая, доведя до сведения пассажиров много новых фактов из жизни «лысого ракла». Но тут двери наконец распахнулись, и потный Монах с девицей кубарем вывалились на улицу, чуть не сбросив с подножки еще двоих человек, не ожидавших от нашей парочки подобного натиска.

Мы по инерции выскочили следом, опоздав буквально на минуту.

Никого.

В смысле, ни Монаха, ни его спутницы.

Совсем рядом начинался однообразный лабиринт пятиэтажных «хрущоб», и затеряться в нем было проще простого. Ну не играть же нам в «казаков-разбойников»!

Позади раздалось сдавленное сипение. Мы разом обернулись – и едва успели подхватить под руки сухонького старичка в драповом пальто и антикварной шляпе из фетра. Этот старичок как раз стоял в дверях, когда Монах с подругой ломались к выходу.

Бедняга задыхался, перхал, лицо его пошло багровыми пятнами, и всем нам сразу стало ясно, что дело плохо. Я затравленно огляделся в поисках ближайшего телефона-автомата. Есть! Вон, у ларька, на углу. Только бы работал! Карточка... Тьфу, «03» ведь бесплатно!

– Олег, я к телефону, «Скорую» вызывать.

– Да, беги.

Бегу, словно за мной гонятся. Добегаю. Срываю трубку. Похоронной музыкой в ухо ползут короткие гудки. Остервенело дергаю рычаг. Есть! Длинный!

– Приезжайте скорее! Тут человеку плохо! Задыхается. Кажется, с сердцем что-то... или астма. Что? Остановка Отакара Яроша, как ехать с Павлова Поля в центр... Да, троллейбусная остановка, на перекрестке!.. Выезжаете? Спасибо...

Ну, даст бог, успеют.

Оборачиваюсь – и вижу, как тормозит наш троллейбус, тормозит с визгом, со скрежетом, едва отойдя от остановки; и из открывшейся передней двери кого-то выносят. Еще одного... одну. Та самая толстуха, что костерила Монаха на весь салон. И еще...

Бегу обратно.

Олег

Пострадавших было четверо. Старик, которого мы успели подхватить, тетка с кошелкой, молоденький курсант с оттопыренными ушами и мальчик лет семи-восьми. Совсем как Димкин сын.

Курсанта все время тошнило, и поначалу мы решили, что он попросту пьян. Но спиртным от лопухого не пахло, парень зеленел на глазах, пытаюсь принять цвет собственной формы, и ноги отказывались держать хозяина. Его усадили на обшарпанную скамейку, и теперь курсант глубоко, жадно дышал, прикрыв глаза и откинувшись на спинку. Авось отдышится.

Все остальные были без сознания. Над мальчиком вздохнула молодая женщина, размазывая по щекам потекшую тушь.

– Алешенька, Алешенька, очнись! Да что же это?! – всхлипывая, причитала она.

– Отравились небось? – переговаривались мужики в рабочих спецовках, дымя «Ватрой». – Грибами, ясное дело! Сейчас все грибами травятся, после Чернобыля...

Это они вытащили пострадавших из салона наружу.

– Вряд ли, Петрович. Может, эта... эпидемия какая?

– Блин, не подхватить бы! Меня супружница живым закопает...

Никаких других мыслей, кроме отравления или эпидемии, мне тоже в голову не приходило. А зря. Что ж это получается, братцы?! В течение двух минут три человека практически одновременно выпадают в осадок, а четвертый – едва не выпадает! Не слишком ли для эпидемии?! А если они отравились, к примеру, какой-то дрянью прямо в салоне – то почему только эти везунчики, а не все поголовно?

Грибов на всех не хватило?!

«Скорая» задерживалась, врача среди людей на остановке не нашлось, и мы сделали, что могли: уложили пострадавших поудобнее, расстегнули на них одежду, чтоб легче дышалось... Что еще? А ничего! Никто просто не знал, что еще можно сделать!

Собрались вокруг – только мужики с сигаретами отошли чуть в сторону; ждали «Скорую».

Второй курсант, однокурсник лопухого, еще раз сбегал к телефону.

Вернулся.

– Обещали вдогон две машины выслать. Первая уже выехала.

– Да где ж они ездят, мать их?!.

Старик вдруг дернулся, глубоко вздохнул и обмяк. Ленчик с курсантом бросились делать ему искусственное дыхание – и тут рядом завизжали тормоза...

Машины «Скорой» забрали всех, кроме очухавшегося курсанта в испачканной форме. Но, судя по хмурым лицам врачей и санитаров, старику уже было не помочь, да и дела остальных оставляли желать лучшего. Плачущая женщина уехала в машине вместе с сыном; народ начал мало-помалу расходиться. Троллейбусов снова не было.

– Может, такси поймать? – предлагаю я, чтоб хоть что-то сказать.

Давило на меня это молчание, прямо как могильная плита, – а говорить-то особо и не о чем.

– Давай, – соглашается Димыч, а неразговорчивый Ленчик только кивает.

Я даю. В смысле, подхожу к краю тротуара и изображаю Ленина на броневику.

За одним исключением: вместо кепки (не люблю!) голосую рублем; точнее, гривней.

– Ты понимаешь, Димыч... – бросаю я через плечо, провожая взглядом очередную тачку, водителю которой мои деньги не нужны.

– Ну?

– Не нукай, не запряг. Видел, когда Монах в бега ударился, он, по-моему, как раз этих бедолаг толкал?

– Да, точно, – хмуро соглашается Ленчик.

– Монах напролом лезет к выходу – и через минуту народу становится плохо. Ничего не напоминает?

– Бои без правил. Убитый американец, – сплевывает Димыч сквозь зубы.

– Умница. Это, конечно, бред, но...

В воздухе повисает пауза.

Так оно и бывает. Хорошо читать триллеры в глянцевых суперобложках и временами посмеиваться над незадачливым героем: ну вот же она, разгадка, на поверхности лежит – а он, балбес, не видит! И лезет прямо в лапы очередного монструоза-маньяка.

Читать об этом – хорошо. Писать самому – тоже неплохо. Наверное. Чувствовать себя таким мэтром, знающим и проницательным, сидя в уютном кресле или лежа на диване. Зато когда петух клюнет... Сколько вам понадобится доказательств, чтобы поверить в невозможное? И когда вы наконец поверите, – не будет ли слишком поздно?..

Что скажете?.. И что скажу я?!

Его Величество Читатель любит определенность. «Подробности – бог!» – говорит Его Величество Читатель, машинально цитируя классиков; и сия правота неоспорима, ибо Его Величество Читатель всегда прав. Ты, дерзец, хочешь оспорить? – закройся в своей падающей башне из слоновой кости, захлопни поддувало и не вякай. Пейзаж, натюрморт или батальное полотно – так во всю стену, холст-масло-золоченый багет, и чтоб без сомнений, чтоб ясно: кто на ком женился, победил или проиграл, откуда вышел и куда зашел, и если чьим-то духом пахнет, так разъясните на пятидесяти страницах плюс примечания: чьим и на кой черт?!

О св. Фома, покровитель реалистов! – ну почему, почему мне, грешному, больше по душе наивный дурачок из рассказа Акутагавы, который доверчиво шагнул в небо с вершины сосны и зашлепал босыми пятками по облакам? Почему я тоскую, глядя на холст-масло-золоченый багет, предпочитая обстоятельности пейзажа одинокую ветку, что протянулась из верхнего угла наискосок – через пустоту бумаги или шелка?! Я смотрю на ветку, и мой ветер ерошит хвою, моя скала незыблемо стоит внизу, моя пичуга назойливо орет, кружась в смолистом аромате! Вместо почетного места зрителя мне предлагают неуют участника, место соавтора, открытое всем ветрам; и я иду, выхожу на подмостки, я тоже, я здесь, я – мы вместе...

Я шагаю в небо с вершины сосны, зная заранее: далеко не всегда можно пойти по облакам.

Но и стоять в отдалении, в безопасности и покое, разглядывая сосну, небо и скалу в лорнет с единственной целью отметить – да, небо, да сосна, да, скала, вы совершенно правы, все как в жизни!.. О св. Фома, покровитель реалистов, почему обошел ты меня милостью своей?!

Поздно сетовать.

Поздно.

Рядом останавливается такси.

– На Пушкинский въезд, – говорю я.

– Сколько денег? – тускло интересуется водила, конопатый парняга в спортивном костюме, похожем на мой.

И я ловлю себя на гнусной мысли: мне чертовски хочется рвануть дверцу на себя, за уши выволочь таксиста наружу и...

– Пятерка, – отвечаю, хотя вначале больше трешки давать не собирался.

– Поехали.

Дмитрий

Телевизор я смотреть не люблю. Обычно он показывает всякую лабуду. Другое дело – видео. Тут уж командуешь ты сам, а не программа телепередач. А еще лучше – книжку почитать. Однако читать сейчас не получалось: в голове калейдоскопом вертелись обрывки завтрашной главы, и не стоило мешать им складываться в мозаику сюжета, расцвеченную красками метафор и образов. Ишь, завернул, писака хренов... ну и завернул. Жалко вам, что ли? А по телику сегодня как раз намечалась передача «Еще не поздно» – одна из немногих, которые я иногда проглядываю.

Когда мозги расслабить надо.

– Пап, ты что смотреть будешь? – раздался из соседней комнаты голос Сережки.

Ну конечно, любой повод волынить уроки этот малолетний хитрец использует на все сто!

– «Еще не поздно».

– Фильм? С Ван Даммом?!

– Нет, передача. Без Ван Дамма. Местная.

Вздых разочарования, способный растрогать скалу.

– А до мультиков она закончится?

Я глянул в программку.

– Закончится. Мульттики после нее. Я тебя позову. А уроки сделал?

– Вот, последний пример по математике решаю. Украинский и русский – уже.

– Молодец. Ладно, заканчивай.

Телевизор зашипел на меня кублом гремучих змей, и пришлось в очередной раз крутить настройку, а после регулировать громкость. Наконец, когда звук и изображение моими стараниями слились в экстазе, на экране возникла знакомая заставка. Бодрый тенор сообщил: «Еще не поздно изменить жизнь к лучшему!» – в конце пустил петуха, засомневавшись в правдивости лозунга; и заставка сменилась лицом молодого бородача-ведущего.

«А у меня все равно борода больше!» – самодовольно подумал я и улыбнулся. Ведущий свою тоже постепенно отращивал, но пока что я из этого соревнования выходил победителем.

Ведущего звали Эдиком, и жил он в доме напротив.

– Здравствуйте, дорогие харьковчане и гости нашего города! – широко улыбнулся мне с экрана Эдик. – Сегодня речь у нас пойдет о проблеме, которая наверняка волнует всех вас: об уличной преступности и о возможности противостоять ей. В первую очередь – о методах, а также пределах допустимой самообороны.

Из правого верхнего угла экрана закувыркался цветной квадратик, стремительно заполнил все пространство – и застыл.

Фотография. Худосочная девица в очках застенчиво улыбается в камеру. Отнюдь не красавица, и даже скорее наоборот.

Я ощутил, как где-то внутри меня прошел едва заметный электрический разряд, и сердце забилось чаще.

Самую малость.

Девицу эту я знал. Видел ее не далее чем позавчера. Вместе с Володькой Монахом! Уже предчувствуя снежный ком неприятностей, я схватил трубку радиотелефона и поспешно настулчал номер Олега.

– Привет, это я. Спускайся ко мне. Прямо сейчас. Тут по телевизору... В общем, сам увидишь.

И – сыну:

– Сейчас дядя Олег придет – дверь ему откроешь?

– Хорошо, пап!

Нет, это все-таки очень удачно, что мы обитаем в одном подъезде, друг над другом: я на втором этаже, а мой соавтор – на третьем.

Когда Олег сломя голову влетел в комнату, изображение как раз вновь ожило, явив нам волосатый лик Эдика. Хорошо, что я сделал вид, будто не замечаю кислого выражения Олеговой физиономии.

Он Эдика терпеть не может.

– Сегодняшнюю нашу героиню зовут Ольга, она – аспирантка Харьковского университета. Вчера, около девятнадцати часов вечера, шестеро нетрезвых мужчин в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет совершили нападение на Ольгу с целью изнасилования. В результате трое насильников попали в больницу с телесными повреждениями разной тяжести, наиболее активный из нападающих находится сейчас в реанимации, остальные задержаны милицией.

Камера отъехала чуть назад, и рядом с Эдиком обнаружилась знакомая дылда, чье фото нам демонстрировали минутой ранее. В кресле для почетных гостей. Коленки сомкнуты, ручки на коленках, глазки скромно потуплены... лошадь-гимназистка.

– Блин, не бывает! – только и смог выдохнуть Олег, успевший расположиться на стуле рядом со мной.

– Не бывает, – честно согласился я.

– Ольга, расскажите нашим зрителям, как это произошло? – Эдик сунул девице микрофон весьма похабного вида и зачем-то подмигнул.

За Эдиком водились подобные штучки; он называл это «поддержанием имиджа».

– Я... я домой возвращалась. Шла возле стройки, на Героев Труда. – Ольга смотрела мимо камеры и время от времени запинаясь; при этом на лице девицы читалось легкое недоумение, словно она никак не могла понять, где находится и о чем рассказывает. – А тут эти, из-за бульдозера... Мне они сразу не понравились. А вокруг – никого больше... один дедушка с болонкой, и тот сразу ушел... да, еще инвалид безногий! – но он, по-моему, всегда на углу сидит, милостыню просит...

– Вы возвращались домой одна? – поспешно встречает Эдик, мелькая микрофоном.

– Одна. Они меня окружили. «Гуляем?» – первый спрашивает. Нет, говорю, домой иду. «Да успеешь еще домой, пошли лучше с нами, тебе понравится!» – и хохочут... перегаром от них разит, у одного пятно лишайное во всю щеку. Он-то меня первый за руку схватил, стал к стройке тянуть, к дыре в заборе, а остальные сразу лапаты начали. Я им – отстаньте, я милицию позову!.. А они только ржут, скоты!

– Ну, и что было дальше? – трагически вопрошает Эдик, чертовски смахивая в этот момент на корифея древнегреческого хора, уволенного за алкоголизм.

– Ну, тогда я ударила... того, лишайного, что за руку держал. По лицу. Он упал. А дальше... они все на меня набросились, я стала отбиваться, потом смотрю – четверо на земле лежат, а двое убегают. А им навстречу – патруль с собакой.

– С болонкой? – интересуется Эдик, проявляя чувство юмора.

– С овчаркой, – серьезно поправляет Ольга. – Вот, собственно, и все.

– Ольга, я искренне восхищаюсь вами! – В голосе Эдика действительно звучит неподдельное восхищение, и я его вполне понимаю. – В одиночку отбиться от шестерых насильников! Наверное, вы занимаетесь каким-нибудь видом единоборств? Карате? Кунг-фу? Кик-боксингом?

При последнем слове мы с Олегом одинаково морщимся.

Правильно все-таки один великий японец назвал кик-боксинг «СПИДом боевых искусств».

Не лечится, инфекция.

– Да, занимаюсь, – смущенно признается Ольга, и кажется, что она раскрывает страшную тайну кровосмешения и поедания младенцев живьем.

– Чем же, если не секрет?

Нас этот вопрос тоже живо интересует. Спасибо, Эдик, с нас бутылка. Однако на сей раз Ольга уходит от прямого ответа.

– Да всем понемножку. Сперва карате, после у-шу... тайчи... Сейчас сама тренируюсь, для себя – у меня есть материалы, видеокассеты учебные...

– Благодарю вас, Ольга. Я рад, что эта неприятная история закончилась столь удачно для вас и столь плачевно для нападающих, которые получили по заслугам. Скоро они предстанут перед судом. Сегодня у нас в студии собрались не только зрители, но и специалисты: юристы, сотрудники правоохранительных органов, представители федераций контактного карате и у-шу – сейчас мы попросим их прокомментировать этот случай...

– Врет, красавица, – неожиданно заявляет Олег, вставая. – Наверняка возвращалась домой не одна. Кто-то с ней был. По-видимому – серьезный парень. Профессионал. Он им всем и наломал. А эта... княгиня Ольга Святая! Подставлять дружка не хочет – с нее-то какой спрос? А человек мог подписку давать... Я, когда в Москве международный будо-паспорт получал, тоже давал, на год. Еще при Союзе.

– Похоже, – киваю я. – Эту только паралитик не изнасилует – а еще лучше, чтоб слепой! На такое чудо позариться...

Олег в ответ только хмыкает.

– Хотя и здесь непонятка, – добавляет он чуть погодя. – Если им профессионал навалял, почему эти... половозрелые... они-то почему молчат?! Чего боятся?! Догонит, мол, и добавит?

– Представляю вам гостя нашей студии, – соловьем разливается меж тем ведущий. – Сотрудник Харьковского городского управления милиции, заместитель начальника отдела по борьбе с э-э-э... – Эдик спешно роется в шпаргалках и, видимо, не находит искомого. – Пилипчук Анатолий Иванович. Пан Пилипчук, прошу!

Плотный усатый майор в форме встает со своего места в первом ряду и неторопливо поднимается на возвышение, замещать начальника отдела по борьбе чего-то с чем-то.

Ольга имеет счастье лицезреть его монументальную спину.

– Анатолий Иванович, прокомментируйте, пожалуйста, этот случай. Насколько правомочны были действия Ольги? Не превысила ли она пределов необходимой самообороны?

– Действия подвергшейся нападению девушки были абсолютно правомочны, – с видом валаамовой ослицы, изрекающей истины в последней инстанции, басит пан майор. – Ее действия адекватно соответствовали степени угрозы. Разумеется, следствие по этому делу только началось, но уже сейчас, ознакомившись с материалами дела, я могу с уверенностью заявить: пределы необходимой самообороны нарушены не были, ибо под угрозой находилось здоровье, а возможно, и жизнь Ольги! И если бы все потенциальные жертвы насилия могли постоять за себя, как наша героиня, – поверьте, преступность в городе значительно снизилась бы! К сожалению, милиция не всегда и не везде может успеть вовремя, и поэтому от имени сотрудников органов внутренних дел я могу только приветствовать...

Дальше пошла обычная телевизионная чехарда: камера на несколько секунд выхватывала то одно лицо, то другое, а Эдик совал зрителям под нос микрофон с просьбой высказать свое отношение к случившемуся.

Отношение оказалось на удивление единодушным: «Девушка молодец, а этих – давить и кастрировать!» В принципе, я присоединялся к общему мнению, вот только молодец, похоже, не девушка, а кто-то другой. Монах? Как же! Одному сямке он еще, может быть, и настучит по фейсу, если сямка не слишком здоровый попадет, – но шестерым?!

Потом выступали юристы, пара разжиревших федерастов вкупе с преподавательницей «курсов самообороны для женщин» (чудеса! – о последней Олег отозвался с крайним уваже-

нием...), мелькали кадры с каких-то соревнований и тренировок, хмуро пытались оправдаться перед камерой двое задержанных насильников...

Закончилась передача на мажорной ноте: а ну-ка, девушки, а ну, красавицы, пускай дрожит от вас шпана!.. А умелая самооборона в нужных пределах – залог здоровья и безопасности!

Пришел закончивший уроки Сережка – смотреть свои мультики, – и мы с Олегом перебрались в кабинет. Вернулась из магазина жена, поинтересовалась, нужен ли нам кофе, и, выяснив, что таки нужен, отправилась на кухню колдовать над джезвой. Потому как я тиран и деспот и нещадно ее эксплуатирую. Вот кофе, например, готовить заставляю... когда самому облом.

Мы расположились в креслах и посмотрели друг на друга.

Оба понятия не имели, с чего начать.

Олег

Молчание не тяготило. Привыкли. Помню, бабушка моей жены, милейшая старушка, все никак взять в толк не могла, за что ее внучка гонят в другую комнату. Работают? Мешаю?! Да этот, рыжий, все на диване сидит сиднем и бородищу дергает, а наш по комнате кругами, кругами, как скаженный... работнички...

У бабушки было другое, единственно верное представление о трудовом процессе.

Впрочем, людям свойственно заблуждаться. У меня, например, тоже было и есть другое представление о способах разогнать насильников. И не у меня одного. Димыч явно удивился, когда я возликовал душой, увидев на экране Хаврошечку из «самооборонки». А я ждал, долго ждал, пока... и дождался.

Хаврошечка – это дело особое. Я тогда подвизался стажером у инструктора первого года, втайне пыжась от гордости, когда к нам привели этот чурбанчик на ножках. Девочка была, что называется, в теле: литая, будто резиновая, и при полном отсутствии комплексов относительно внешности. Сперва мы прозвали ее Крошкой, потом Крошечкой; а там и до Хаврошечки рукой подать.

Через три года ее на экзамене вытащил в круг сам Шеф. Событие редкое и, можно сказать, знаменательное. Когда вдребезги извалянная в песке Хаврошечка наконец вынырнула из этого самума, она плакала. Некий защитник угнетенных, чудом попавший на экзамен (или он просто околачивался в лесу поблизости?), выпятил грудь и подошел к Шефу. «На женщинах оттягиваешься? – драматическим тенором осведомился доброхот, не ведая, что творит. – А если на мне?» Шеф подумал. Затем обвел нас взглядом невинного младенца и подумал еще. «Давай», – наконец согласился он; и, клянусь, глазки у этого модельного шкафа «Гей, славяне!» стали раскосыми, до ужаса напомнив взгляд Шефова учителя, Хидео Хасимото по кличке Эйч. «Какие правила?» – *доброхот* заподозрил неладное, но отступить счел недостойным настоящего мужчины. «Правила? – искренне удивился Шеф, сияя круглой луной, заменявшей ему физиономию. – Никаких правил. Ты ведь вызвал меня в присутствии моих учеников...» И когда доброхот наотрез отказался геройствовать без правил, Шеф набрал полную грудь воздуха (а там было куда набирать!), после чего хвойно-лиственные леса по оба берега Северского Донца сотряслись от дикого рева:

– А тогда... отсюда на..!

И почти сразу, без перехода, обаятельным полупшепотом:

– Извиняюсь, девочки! Эй, парни, готовьте обед...

Я стоял рядом с Хаврошечкой, глядя в ее зареванное лицо и понимая то, чего не понять и сотне посторонних доброхотов.

Хаврошечка плакала от счастья.

Через год она исчезла, объявившись вскоре в Израиле и даже выиграв там пару каких-то турниров. Потом по Интернету пришло письмо из Штатов, где Хаврошечка прорвалась на семинар к самому Морио Хигаонна; потом – Польша, Германия, Австралия... Господа, она вернулась! Вернулась в родной город, солидной дамой-практиком с грудой будо-паспортов всех сортов и мастей. Ее курсы самообороны для женщин быстро стали популярны, Хаврошечка обзавелась крепостью на колесах цвета «металлик», зимой носила песцовую шубку, кося под ожившего снеговика; но носа-морковки не задирала. Она сейчас твердо знала, чего хочет; а хотела она конкретики. Как, впрочем, и раньше, когда скучала на «задушевных разговорах», предпочитая философскому туману туго набитую грушу.

И такое бывает.

Хотя жаль: плакать Хаврошечка, похоже, разучилась.

Едва пришла ее очередь прилюдно восторгаться аспиранткой Ольгой, Хаврошечка сперва сотворила изящную рекламу своим курсам, а после повернулась к несостоявшейся жертве насилия, нашей леди Годиве и Орлеанской деве в одном лице.

– Ольга, я в восторге! – напрямик заявила Хаврошечка, рдея пухлыми щечками. – Не могли бы вы показать нашим зрителям, и в первую очередь зрительницам, каким образом вы ударили по лицу наиболее агрессивного насильника?

Я был в трансе: Ольга милостиво согласилась и показала. Даже повторила, по просьбе трудящихся. Замечательно! Я мысленно подбросил в воздух чепчик. После такого удара аспирантку должны были изнасиловать в особо извращенной форме: пообещав и не сдержав обещания.

Хаврошечка аплодировала, при массирующей артподдержке зала.

– Великолепно! – оценила она сию демонстрацию. – Ольга, не согласились бы вы как-нибудь заглянуть к нам на занятие? В любое удобное для вас время?!

Ольга не согласилась, сорвав бурю оваций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.